

ГОРИЗОНТЫ

АНТОЛОГИЯ

**Горизонты. Сборник яркой
современной фантастики**

«Автор»

2014

Антология

Горизонты. Сборник яркой современной фантастики /
Антология — «Автор», 2014

Фантастика – это взгляд, фантастика – это будущее, а значит, фантастика – это движение вперёд. Но как понять, куда двигаться? Как увидеть то, что скрывают от нас время, судьба и вероятность? Как посмотреть сквозь занавес нового горизонта? Ответы на эти вопросы и постараются дать авторы данного сборника. Кто-то из них начал писать раньше, кто-то позже; у кого-то немало законченных произведений, у других – меньше. Но все они – молоды душой и, не имея большого количества профессиональных публикаций, тем не менее, стремятся вперёд, взирая в будущее. Кроме того, представленные здесь тексты могут быть названы своеобразными визитными карточками молодых, одарённых писателей, участвовавших в подготовке материала. Что случится с фантастикой через года? Родится ли и нахлынет ещё одна «волна» в этом удивительном жанре литературы? И кто окажется на гребне? Возможно, открыв для себя антологию «Горизонты», вы найдёте ответы и на эти вопросы... Авторы, чьи произведения вошли в сборник (в порядке размещения на страницах): Анна Михалевская, Григорий Кабанов, Mike_The, Курильский, Валентин Гусаченко, Владимир Ермаков, Сергей Решетняк, Виталий Вавикин, Андрей Фёдоров, Павел Виноградов, Эйм А., Вячеслав Лазурин, Павел Журавлёв, Серж Юрецкий, Григорий Неделько, Мария Фомальгаут, Алексей Дуров, Леся Шишкова.

© Антология, 2014

© Автор, 2014

Содержание

Если ты убьёшь зверя	6
Тотальная аннигиляция	19
Родственные души	31
Шура Опейка	33
Инкубатор	42
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Горизонты. Сборник яркой современной фантастики

Составитель – Григорий Неделько

Тексты взяты с разрешения авторов.

Все права принадлежат авторам.

В разное время произведения появлялись на интернет-площадках фантастика. рф и конкурса-семинара «Креатив», а также в аудиоиздании альманах фантастики «Фантаскоп» и электронном проекте «ПослеСЛовие...».

(Составитель – Григорий Неделько)

Если ты убьёшь зверя

Анна Михалевская
Журнал «ФанСити»

Перекрестье гарды дрогнуло, качнулся клинок. Юноша едва заметно подался назад, но не сошёл с места.

Чёрный зверь двигался неторопливо, гипнотизируя Андэля пронзительным взглядом. Как и тысячи знатных сынков-героев, юноша наивно считал зверя соперником. А зверь знал – перед ним жертва.

Ярмир вжался в полуразрушенную стену пиршественного зала. Он прятался в нише за уходящей под купол аркой – прямо напротив места сражения. Двое – зверь и юноша – уже сошлись на янтарном кругу мозаики в центре. Пустовали массивные балконы – подбадривать и освистывать бойцов некому. Этот поединок касался только двоих. Да ещё, может, Ярмира.

Юноша должен был одержать верх! Ярмир следил за ним всю луну, изучил характер, повадки юноши, завязал дружбу. Нет, о дружбе с Андэлем Ярмир не жалел. Вот о его смерти – будет жалеть. Ярмир гордился бы таким братом – Андэль из рода Боузов жил для того, чтобы сразиться со зверем, его мастерство оттачивалось годами учения, он был лучшим в городе Костэ.

Ярмир затаил дыхание. Зверь шумно втянул воздух, иглы на холке встали дыбом, он остановился, ощерил клыкастую пасть. Почуял запах Ярмира? Или играет с Андэлем? Ярмир не знал. Каждый раз зверь выглядел по-другому, и каждый раз встреча с ним оборачивалась неожиданностью.

Андэль ступевался, сжался в комок. Смелый вышколенный Андэль был готов отступить и броситься наутёк. Ярмир зажмурился – пусть смерть заберет его вместо Андэля, только бы не стать свидетелем позора! Одного малодушного бегства на его жизнь достаточно.

Протяжный рык разорвал тишину и завис жуткой нотой в пространстве зала. Ярмир видел, каких усилий стоит Андэлю не растерять остатки мужества. Но парень выдержал – он выпрямился, собрался. Юное лицо превратилось в каменную маску.

Выпад был молниеносным. Лучший выпад Андэля на памяти Ярмира. Меч опустился на шею зверя. Но не причинил вреда. На собравшейся складками лоснящейся шкуре не осталось ни то, что раны – царапины. Андэль отступил, выставил вперед меч. Зверь мотнул головой, оскалится, прыгнул. Зубы сомкнулись на плече Андэля. Меч упал на янтарный пол. Юноша удержался на ногах, и не пытаясь защищаться – против выработанных годами инстинктов – крепко сжал чёрную тушу, так исступлённо и страстно, как обнимают только любимых. Двое упали, не ослабляя хватки.

Вспышка боли пронзила плечо, будто Ярмир сам получил смертельную рану. Нет, не так. Он остался без близкого друга. И без надежды. А это было хуже, чем смерть.

В ушах звучал рык зверя, а в сердце росла пустота.

* * *

Порыв ветра пригнул стебель бессмертника к холмику могилы. Ветер дунул ещё пару раз и стих, оставив цветок в покое.

Это всё, что Ярмир мог сделать для друга – похоронить и почтить его память. Да посадить на могиле бессмертник – может, приживётся.

Ярмир бросил последний взгляд на холмик свежей земли и пошёл прочь от массивных крепостных стен.

В Костэ он не вернётся – лишние расспросы ни к чему. Семья Андэля должна быть готова и к такому исходу.

Стать добычей зверя – не редкость. Мужчина либо выходит из замка с победой, либо его забирает зверь. После схватки нет мёртвых, на поле боя остаётся лишь победитель. С Андэлем вышло по-другому: на янтарной мозаике лежало два мёртвых тела – человеческое и звериное. Из жилистой шеи твари торчала рукоять стилета. Ярмиру пришлось немало потрудиться, прежде чем он смог вытащить изувеченного Андэля из-под смердящей чёрной туши. Что решило исход битвы? Необычное поведение юноши? Пропитанный ядом стилет? Или страстное желание Андэля одолеть зверя любой ценой? Юноша дал Ярмиру надежду. Пусть не своей жизнью, так смертью. Запоздалая благодарность обожгла глаза солью, слёз не было.

Он остановился на перекрестье дорог. Ветер повеселел и пьяно носил клубы пыли по степным просторам. Дело близилось к полдню, осеннее солнце сучало по лету и нещадно припекало.

Ярмир зажмурился, огляделся по сторонам. Он может пойти на север, на юг. Рвануть к морю на восток Или обойти замок и двинуться на запад. Все дороги одинаковы. Он ходит по зигзагам вытоптанной земли одиннадцать лет, и со временем разучился их отличать друг от друга. Что ж, Ярмир сделал шаг на запад – в окрестностях богатого и благополучного города Гота самый большой замок зверя на континенте. И самый опасный. Значит, поражение будет не таким горьким, а победа – тройне почётней.

Замки зверя – такое название дали хаосу, который пришёл после золотого звездопада четыре века назад. За несколько лун бури, дожди и землетрясения смели крупные города, похоронили людей под обломками прошлого мира. А потом континент обнесло язвами пропащих земель. Сколько люда сгинуло без вести, сколько замков и крестьянских домов за ночь превратились в древние развалины, а на пустырях за час выросли новые дворцы – никто уже не сочтёт. Земли на то и были пропащими – всё лучшее, правильное, понятное пропадало там насовсем, оставляя после себя невнятные слухи о мантикорах, гарпиях, василисках и катоблепасах...

Зверь Андэля мало походил на мантикору или каппу – сказочные чудища выглядели скорее нелепо, чем страшно. А в жёлтых глазах зверя светился холодный ум, расчёт, безжалостность. В мышцах переливалась дикая сила. Что такое василиск по сравнению с ним? Ярмир скривился – заныл старый шрам на запястье. Он достаточно навидался схваток. Лез с помощью, пока не сообразил, что эти битвы только для двоих – запросто можно погибнуть в сражении с чужим зверем, но не победить. А ему нужна победа...

Кто знает, во что бы превратился континент, не решишь триста лет назад безрассудно смелый кнеж Брутвиг исследовать пропащие земли. Столица континента Рага, основательно подготовившись к пышным похоронам кнежа, спешно сменила траур на чествование – Брутвиг вернулся невредимым. Он заявил, что сразился в пропащих землях с белым львом и одержал победу. С тех пор кнежеская власть взяла хаос под своё покровительство – пропащие земли обнесли толстыми стенами, на воротах вывесили кнежеские флаги, с них свысока взирал на мир белый лев. Что-то в его взгляде неуловимо напоминало самого Брутвига.

Простой люд вздохнул с облегчением и стал обходить границы пропащих земель десятой дорогой. Другое дело – знать. Пример Брутвига разбередил дворянских сынов, и те потянулись к опасным стенам с кнежеским флагом на воротах. Девять из десяти смельчаков погибли.

Авторитет Брутвига падал. Но кнеж вовремя издал указ об обязательной битве со зверем для тех, кто хочет подтвердить дворянский титул. Это считалось почётным, добавляло привилегий при дворе и влияния в светском обществе. Для дворянских детей открыли школу – их учили проходить пропащие земли и готовили к финальной схватке.

Пропавшие земли стали называться замками зверя. Сквозь хаос проступило лицо. И что-то в этом лице неуловимо напоминало звериный оскал.

* * *

– Э, дружище, вот мы и свиделись!

Бродяга ухмыльнулся, задрал крючковатый нос и повернул голову набок. Точь-в-точь петух, разглядевший новую курицу.

Ярмир сделал вид, что не слышит, не спеша взял кружку, глотнул вина. Приготовился было скривиться – в трактирах на окраинах городов постояльцев редко угощают вкусной стряпнёй и добрым вином. Но кривиться не пришлось – в «Слепой кошке» вино было отличным. Не в пример его настроению.

– Не признаешь старого знакомца? – бродяга пригрозил заскорузлым пальцем, – ай, ай, нехорошо! А я всё помню – ты был в замке под Метуйе. И в Такоре. И в Лакете тоже был ты.

– Нет, – Ярмир покачал головой, – не узнаю, – и посмотрел в водянистые глаза бродяги. «Старый знакомец» шутливо поклонился.

Ярмир поставил кружку на стол. Может, чуть более резко, чем следовало бы.

Значит, кнеж снова послал шпика. Если Ярмир не выполнит договор и надумает сбежать, должен быть рядом человек, который восстановит справедливость. Власть не доверяла простым смертным, власти нужны доказательства – твоя жизнь или честь, не меньше, не больше...

Одиннадцать лет назад он не задумывался о цене сражений со зверем. Был уверен, что победа – его служанка, и платил щедрое жалованье тренировками и дисциплиной. Ярмира, отпрыска влиятельного дворянского рода фон Гранитс, ждал поединок со зверем и блестящая карьера при дворе. Он не любил шумных компаний в трактирах, глупой болтовни на светских раутах. Не хотел тратить силы на пустое и думал, что знает секрет всему – контроль. Но теории пошли прахом, когда в канун сражения со зверем Ярмир столкнулся с площадной комедианткой Маруше. Он забыл про контроль и вышел на поле боя растерянным и безоружным. И выжил только потому, что трусливо бежал. Зверь не гнался за ним, лишь бросил брезгливо-презрительный взгляд вслед – видно, Ярмир оказался слишком мелкой добычей.

Проклятый этим взглядом, Ярмир скитался по континенту, жил как придётся – наёмником, бродягой, подмастерьем. Не вернулся к родным и постарался забыть о Маруше – пусть лучше он будет для них мёртвым, чем трусом.

Два года Ярмир не мог заставить себя подойти к замку, искал лёгкой смерти, но та, как и зверь, презрительно отворачивалась. Не помогали уличные драки, передовая кровопролитных сражений, дуэли с ревнивыми мужьями. На третий год Ярмир решил, что его смерть, должно быть, живёт рядом со зверем, и сделал последнюю попытку напроситься к ним в компанию. Изрядно напившись, он прокрался вслед за очередным героем в открытые ворота замка. Он мечтал встретить клыки зверя, помочь юноше, и так хоть немного оправдать свою непутёвую жизнь. Но схватка закончилась быстрее, чем Ярмир протрезвел. Зверь исчез, и победитель покинул поле боя. На лице у юноши сияло новое выражение плохо скрываемого превосходства.

Ярмир стал свидетелем многих схваток. Зверь притягивал его, завораживал. Но ни разу раньше он не видел зверя или человека мёртвым. Оставался только победитель. А побеждённый исчезал – ни следов крови, ни клочка волос.

Он подбирал кнежеские медали, оброненные в пылу битвы побеждёнными юношами, – надёжный пропуск на случай, если возле замка выставят гвардейский караул. Однако шататься у смерти под носом желающих не было. Кроме него, да бродяги с водянистыми глазами. Тот караулил Ярмира после каждой схватки, шутливо кланялся и спрашивал: «Сколько битв может выиграть трус?». Ярмир отмалчивался, но внутри закипала злость.

Однажды под Рагой кнежеские гвардейцы поймали его на входе в замок, команды им отдавал шуплый человек с водянистыми глазами – давешний бродяга. Он снова задал любимый вопрос. «Столько, сколько проиграет кнежеская шавка» – на сей раз Ярмир нашёлся с ответом. И нажил смертельного врага. Хотя, чего бояться? Ярмиру и так полагалась позорная казнь на центральной площади. Ибо он нарушил ход священного ритуала, границы кнежеской собственности и покой зверя.

Кнеж Варслав, достойный внук своего легендарного деда Брутвига, снизошёл до беседы со злостным преступником и предложил сделку. Раз Ярмир охоч до прогулок по замкам, говорил, иронично улыбаясь, кнеж, он должен знать, как остановить зверя. Навсегда. И во всех замках. Или найти этот способ за три луны. Тогда Ярмир прощён и свободен. Пятна пропащих земель растут и скоро превратятся в одну язву – если кнеж не остановит рост, подданные поднимут бунт. А этого он никак не может допустить. В интересах Ярмира постараться. Иначе будет объявлено, что именно он, странник, потревоживший зверя, виновен в катастрофе. И какой ждет Ярмира конец в этом случае, кнеж боится представить...

Шпик подошёл ближе к столу, нагнулся к уху Ярмира.

– Этот замок последний, дружище. И постарайся! У тебя два дня, – бродяга многозначительно положил руку на пояс, в лохмотьях мелькнула рукоять кинжала.

Шар гнева обжёг грудь. Кнеж думает, что свобода Ярмира принадлежит ему? Нет! Ярмир либо сделает дело, либо погибнет. И плевать он хотел на кнежескую волю.

Ярмир тяжело поднялся, заглянул в мутные глаза. Зрачки бродяги сузились, загорелись презрением и ненавистью. Ярмир отвёл взгляд, проглотил вспышку раздражения – ему тридцать лет, он не юноша, чтобы ввязываться в глупую драку. Он бросил на стол пару монет за вино, и направился было к выходу из трактира.

Бродяга не сдвинулся с места, закрывая узкий проход между столами. Что-то внутри Ярмира порвалось, пелена застлала глаза, он схватил бродягу за шиворот, бросил на стол. Под удивлённые возгласы зевак стол хрустнул и распался пополам.

– Извольте заплатить за беспорядки, пан!

В дверях трактира стояла высокая женщина в простом суконном платье. На вид – ровесница Ярмира. Лицо обветрено, выгоревшие на солнце льняные волосы забраны назад в тугой пучок. Холодные голубые глаза бесстрастно изучали Ярмира, губы сжаты в нитку, брови сдвинуты.

Кажется, Ярмиру посчастливилось встретиться с хозяйкой «Слепой кошки». И приём его ждал отнюдь не тёплый.

– Спросите с того бродяги, что лез на рожон. Беспорядки не моя забота, пани...

– Нейджа, – сухо отозвалась женщина. – А что тогда ваша забота? Неужели со зверем сражаться? – в светлых глазах заплясали огоньки насмешки.

– Хоть бы и так.

– И где же зверь? Никак только что проломил мой стол и теперь потирает ушибленный бок?

В зале трактира тихонько рассмеялись, кто-то одобрительно хлопнул в ладоши.

Ярмир почувствовал, что краснеет. Казалось, он снова трусливо бежит с поля боя. И на сей раз все видят этот позор.

– Что ж, идите, куда шли. Как справитесь со зверем, приходите чинить стол. Я буду ждать.

Ярмир вздрогнул. Он узнал тон. Он узнал слова. Он узнал лицо. Холодные глаза Нейджи засверкали васильковым огнём, светлая прядь выбилась из причёски, упала на лоб. Перед ним стояла беспечная Маруше, которая никогда не носила шляпы, и, сощурившись от яркого солнца, говорила ему: «Как справишься со зверем, приходи на площадь, я буду ждать...»

* * *

В который раз Ярмир поднял дверной молоток, дерево глухо отозвалось на тяжёлый удар. Нейджа не спешила открывать ночным посетителям. Он опустился на истоптанные ступеньки порога.

Вот ведь насмешка. Последнее, о чем он мечтал в этой жизни, – снова попасть на глаза хозяйке «Слепой кошки». Нейджа вызывала раздражение, хотелось заставить её замолчать, зажать рот, оттолкнуть с пути – как того бродягу. Но в её присутствии Ярмир немел. Видел перед собой Маруше и не мог сдвинуться с места.

Он провёл день, скитаясь по трактирам Гота – спрашивал сам, слушал других. Искал зацепку, подсказку, намёк – у Готского зверя должна быть слабость. Непобедимых соперников нет, некоторые просто очень сильны. Чего ему только не наплели – и про несметные богатства, которые победители вынесли из замка, и про разверзшуюся землю после поражений юных дворян, и про жуткий рык по ночам. Заинтересовала Ярмира лишь одна история – у замка был смотритель. Говорили, что это женщина. Одни утверждали, будто она оберегает зверя. Другие – что хочет отомстить ему. Кто эта особа, Ярмир не смог допроситься. Жители Гота опускали глаза и заводили разговор на другую тему.

И чем настойчивее горожане увиливали от расспросов, тем крепче становилась безумная догадка Ярмира.

Он опёрся спиной о дверь, задрал голову, посмотрел на звёзды. Когда последний раз он так беспечно таранился в небо? Наверное, ещё с Маруше. Потом небо стало неинтересным, ну разве что звезды погоду подскажут.

Дверь скрипнула, опора ушла из-под спины, Ярмир едва удержал равновесие, схватился за косяк.

- Со зверем покончено? Или совесть замучила?
- Расскажите о нём, пани Нейджа, – Ярмир поднялся. – Вы ведь были в замке?
- Хотите одолеть зверя? Это невозможно.

Нейджа отступила вглубь зала, свечка в руке дрогнула, огонёк выхватил опущенные уголки губ, потухшие глаза. От утренней дерзости не осталось следа. Ярмир перешагнул порог, закрыл за собой дверь. Вдруг захотелось подхватить хозяйку на руки и укачать, успокоить как ребёнка.

– Так же невозможно, как сойтись в схватке с самим собой и победить, – ответила Нейджа на повисший в воздухе вопрос.

- Я не хочу бороться с собой, мне нужна голова зверя.

Нейджа печально улыбнулась, передернула плечами, будто пытаясь освободиться от невидимых пут. Она устало опустилась на скамью, жестом приглашая Ярмира последовать её примеру.

Ярмир сел напротив, между ними на столе слабо мерцал огонёк свечи – единственное светлое пятнышко в пустом, словно брошенном, зале трактира.

- Что вам от меня нужно, пан герой? – Нейджа в упор посмотрела на Ярмира.
- Помогите попасть в замок под Гота. Я должен встретиться со зверем один на один!
- Замки охраняются кнежеской властью. Кто я такая, чтобы нарушать его волю? Да и зачем мне вам помогать?

Громкий стук в дверь не дал Ярмиру ответить.

- Именем кнежа, откройте! Нейджа Таулер, вы обвиняетесь в государственной измене!
- Ярмир узнал голос. Выходит, кнежеский шпиик следил не только за ним.

Нейджа резко поднялась, бросила испытывающий взгляд на Ярмира. Тот опустил глаза.

Он может сдать её гвардейцам и так выслужить свободу. Какая разница кнежу, кто будет страдать за ошибки властей перед безумной толпой? Перевидавший десятки зверей Ярмир, или сторож одного зверя Нейджа? Проклятье! Ярмир проглотил тугой комок. Он не может просто так уйти из жизни, он должен получить свободу и убить зверя, чтобы... Чтобы стать человеком. Отважиться вернуться к семье. Отыскать Маруше... И обречь на смерть другую женщину? Вот она стоит перед ним – живая, красивая, не такая как все. Что-то в нём меняется, когда Нейджа рядом. Ему больно, но он чувствует, что снова живёт. И он готов её предать? Нет, не бывать этому!

Ярмир медленно кивнул, так и не отважившись взглянуть в глаза Нейджи. Ответом ему был едва слышный вздох облегчения. В руку легла тёплая жёсткая ладонь – Нейджа потянула вглубь зала, к выходу на задний двор...

Погоня жгла спины проклятиями от имени кнежа и грохотом выстрелов. Приходилось терпеть и пришпоривать гнедого жеребца Нейджи – тот старался вовсю и рвался вперёд, будто и не нёс на спине двух всадников. Огнестрельное оружие считалось привилегией кнежеской гвардии, и ответить на выстрелы Ярмиру было нечем. Одна надежда – они с Нейджей больше нужны кнежу живыми, чем мёртвыми. Сколько они выдержат эту гонку? Одному небу известно. Но близость Нейджи придавала силы. В кои веки чья-то жизнь его волновала больше, чем смерть зверя.

Стены города остались позади...

Беглецы миновали открытый участок степи, и гнедой принялся карабкаться по крошащимся камням между скал. Но погоня не отставала. Дробь копыт гвардейских скакунов отдавалась в ушах – Ярмир едва справлялся с желанием немедленно дать бой, рассчитавшись за это их с Нейджей жизнями...

Гнедой взобрался на небольшой уступ, Нейджа резко дёрнула поводья, жеребец недовольно качнул мордой, но повиновался – осторожно пошёл вдоль скалы по узкой кромке камней. Копыта гнедого скользили, то и дело срывались, но, вопреки ожиданиям Ярмира, они не упали в пропасть. Гнедой вывез всадников на широкую площадку, скрытую от преследователей резким изломом скалы. В стене над площадкой открывался чёрный зев пещеры. Нейджа выдохнула с облегчением, опустила поводья, и гнедой сам вошёл в прохладную темноту – похоже, не в первый раз.

– Надеюсь, они не пойдут за нами, – от долгого молчания голос Нейджи охрип. – Люди думают, логово зверя начинается здесь. Они просто не знают – он не может покинуть свою тюрьму.

Ярмир хмыкнул, Нейджа говорила о звере так, будто любила и жалела его, а людей ненавидела.

Гнедой уверенно выбирал дорогу в темноте. Из пещеры они попали в туннель – там вовсю хозяйничал сквозняк, ветер шастал по закоулкам, искал тайные ходы. Погоня, наконец, отстала. Ярмир был безмерно благодарен Нейдже за подаренный глоток свободы. Пьянящего напитка свободы, который так любила Маруше...

Ему было девятнадцать, до схватки со зверем оставалась неделя. Утром Ярмиру торжественно вручили кнежескую медаль – пропуск в замок, почётное право доказать свою доблесть и чистоту рода. Он прогуливался в одиночестве по городу, дышал воздухом весны и мечтал о блистательной жизни при кнежеском дворе.

Они столкнулись на площади. Маруше шла навстречу – счастливая, бедно одетая девушка с рассыпанными по плечам пшеничными волосами и непокрытой головой – недопустимая вольность для благородных девиц. Ярмир задержал взгляд на чудной фигурке, а потом из любопытства посмотрел девушке в глаза – да так там и остался. Он пригубил свободу, и в нём проснулась жажда.

Каждый день Ярмир приходил на площадь. Буффонады мелькали пёстрой лентой, а он хотел видеть лишь Маруше, ловить ощущение вольной птицы, исходившее от движений девушки, напиваться им.

«Бежим со мной!» – дыхание Маруше обжигало щеку, нежный поцелуй трепетал бабочкой на губах, уводя Ярмира с широкой аллеи победы и славы, толкая на нехоженые тропинки Марушених желаний. Маруше тащила его из замкнутого круга крепостных стен города, учила целоваться, бездумно валяться в стогах сена, радоваться солнцу, смотреть в небо. Она пьянила его, звала за собой. Но разве мог Ярмир променять блестящую судьбу дворянского сына на скитания с площадной комедианткой? Не мог. Или не хотел? Он не сказал ей, что любит – не захотел. Или не смог?

«Как справишься со зверем, приходи на площадь, я буду ждать...» – слова Маруше ещё звучали в ушах Ярмира, когда кнежеские гвардейцы окружили помост и взяли комедиантов под стражу. Маруше оглянулась лишь раз, нашла его глазами, печально улыбнулась. Ярмир не выдержал, опустил голову. Скоро сражение, он не пойдёт против кнежеской власти. А Маруше ждала, хоть и знала ответ наперёд...

Туннель закончился округлой пещерой. Её пустая глазница смотрела на широкое плато, поросшее бурой травой. По волглому полу пещеры лениво ползли лучи полуденного солнца. Выходит, они провели в бегах полдня. Срок, отмеренный кнежем, истечёт завтра утром.

Они спешили, вывели жеребца на плато – тот жадно потянулся к скудной траве.

Скала возвышалась широким уступом и огибала пустынное поле подобно драконьему хвосту. Уступ венчала громада замка зверя. Небо над стенами дрожало мелкой рябью, грозясь вот-вот порваться в клочья, да и сам замок казался миражом – как Ярмир ни пытался посмотреть на него в упор, тот будто отпрыгивал в сторону.

Вокруг стояла давящая тишина – ни крика птицы, ни стрекота кузнечиков, ни шелеста ветра. Ярмир только и слышал, как стучала кровь в висках, да ещё – шаги отставшей Нейджи.

* * *

– Мы ещё можем дать отпор и сбежать.

Они сидели, прижавшись спинами к скале, держались за руки, замороженно смотрели на замок. Безысходность сдавила сердце Ярмира. Впереди зверь, позади – кнеж. И все, что у него есть сейчас, – это теплое дыхание Нейджи рядом.

– Мой брат погиб в этом замке, – Нейджа говорила тихо, но слова громом отзывались в голове Ярмира. – Он был единственной родной душой – мы рано потеряли родителей. После его смерти земли отобрал кнеж. Пришлось держать трактир, чтобы как-то выжить... Я мечтала о мести, ходила в замок каждый день. Мне не мешали. Стража лет сто как сбежала от Готского зверя подальше – слишком жуткое место. Дворянские сынки выбирают замки попроще. А сам зверь так и не показался. Я мечтала выманить его из логова. А теперь думаю, что зверя нет. Есть живое существо, и с ним сражаются. Но это не зверь. Зверь внутри человека. Я не буду бежать – от себя не убежишь. Я должна войти туда и попытаться снова.

Ярмир отпустил руку Нейджи. Он никогда не поймёт эту женщину.

– Нет, Нейджа, зверь есть. Он держит в страхе город, кнежескую стражу, он заставляет искать мести. Он забрал твоего брата... – Ярмир осёкся.

Повисла звенящая, напряжённая до предела тишина.

– А что ты знаешь о звере?! – васильковые глаза сверкнули огнём. – Моего брата забрало безрассудство. Он был предупрежден об опасностях. Но хотел стать лучшим. Единственным победителем... Я простила его. Но не простила себя. Должна была удержать, остановить.

Нейджа отстранилась, распустила невидимые иголки страха. Ярмир, протянувший было руку, чтобы приобнять её, замер.

– Если зверя нет, Нейджа, почему ты привела меня сюда? Кого ты сама так часто навещала в этом брошенном небом месте?

– Не знаю. Никто не знает. Люди сражаются со зверем и погибают, кто бы ни вышел победителем. Поэтому здесь так жутко. Но бояться некого... кроме себя, – Нейджа горько усмехнулась.

Оба, не сговариваясь, посмотрели на замок. Мираж превратился в мрачную крепость. Казалось, замок приблизился. В пропащих землях всё возможно, но такое Ярмир видел впервые.

Нейджа подобралась, резко встала.

– Замок открыт. Идём.

Ярмир перехватил её руку, посмотрел снизу вверх. Нейджа хочет быть сильной. А он не верил ей, потому что знал цену этой силе. Небо, зачем ей притворяться сейчас? Ярмир поднялся рывком, борясь с желанием встряхнуть Нейджу, увидеть на красивом лице боль, страх, отчаяние, и порывом крепко обнять, защитить, успокоить. Исход борьбы решил случай.

– Именем кнежа Варслава, вы оба арестованы!

Бродяга бесшумно вырос из темноты пещеры. Не самый свежий был вид у бродяги – он с трудом дышал, губы кривились в гримасе боли, глаза лихорадочно блестели. Но за его спиной росла свора кнежеских псов – тоже пеших, вымотанных страхом и долгой прогулкой по туннелю. Их было человек двенадцать – слишком много для двоих.

Ярмир вышел вперёд, заслонив собой Нейджу. Он чувствовал затылком её взгляд. Нейджа поймет, если он отойдет в сторону. Он ведь вернётся потом за ней. Возможно, добудет кнежу секрет... Один раз он уже отошёл в сторону. Сколько его женщинам ждать? Вечность? Немного меньше? Ярмир застонал. Будь проклят этот зверь, который не даёт ему стать человеком.

– Нет! – голос Ярмира охрип.

С облегчением, будто сбросил с себя вековую ношу, он обнажил клинок. Свобода, забытый Марушен подарок, вырвалась на волю и плясала на острие меча.

– Взять их! – рявкнул кнежеский шпик.

* * *

Ярмира подхватил вихрь, и он полностью отдался во власть стихии. Единственное, что врезалось в память – глаза бродяги. Ярмир видел, как насмешливый интерес сменяется удивлением, удивление – растерянностью, а та – ненавистью. А потом бродяги не стало – чей-то окровавленный меч, стиснутый рукой в знакомой перчатке, съел шпикую голову, и Ярмир почему-то не хотел узнавать этот меч. Он почувствовал спиной спину Нейджи, её резкие движения – и вихрь усилился, закрутил пуще прежнего...

Он очнулся от крика Нейджи:

– Остановись! Прекрати!

Ярмир моргнул, с недоумением огляделся. Он стоял на поле мёртвых. Гвардейцы были не просто убиты – изувечены до неузнаваемости. У многих тел не хватало голов, у других – рук, ног. Выбившаяся из сил Нейджа пыталась оттащить его от последнего целого тела с рваной раной на груди. Ярмир бросил меч, схватил Нейджу за плечи, впился в неё взглядом.

Это всё сделал он? Не может быть. Нет!

«Да», – безмолвно ответила Нейджа, – «да».

Ярмир разжал пальцы, женщина рыбой скользнула вниз, упала на колени, разрыдалась.

Вихрь ушёл, оставив пустоту.

Они поднимались к замку – логову зверя. Стены из чёрного камня занимали полнеба и грозили вот-вот обвалиться на голову. Ярмира не страшил и такой исход. Казалось – главная

битва только что закончилась, и он проиграл. Выиграл, и поэтому проиграл. «Хотите одолеть зверя? Это невозможно... Как невозможно сойтись в схватке с самим собой и победить». Слова Нейджи холодными каплями били в макушку.

Землю тряхнул мощный толчок. Нейджа беспокойно оглянулась:

– Скорее, нам нужно успеть к воротам, пока не начался обвал.

Скала снова дрогнула, под ногами разверзлась трещина, Ярмир вовремя подхватил неловко покачнувшуюся Нейджу, перепрыгнул зияющий провал. Сверху сыпучей волной покатились камни, а за спиной трескалась скала, открывая глубокую расселину.

Ярмир вцепился в неожиданно ослабевшую руку Нейджи, рывком потянул вверх. Нейджа часто спотыкалась, Ярмиру чудились стоны: «Страшно, оставь...», но он только крепче перехватывал запястье. Пусть Нейджа умоляет, приставит к горлу клинок – он не выпустит руки. Пока они вместе, Ярмир ещё сможет ей помочь.

И словно всех бед показалось судьбе недостаточно, перекрывая треск и грохот сбрасывающей шкуру скалы, воздух разрезал раскатистый вой. Ударил по ушам, ворвался в тело, прошёл волной до пяток и ледяными комками осел в сердце.

Ярмир начал задыхаться, рванул ворот колета, но вдруг понял – надо терпеть. Только через этот лёд и можно чувствовать зверя. Он ждёт их, предвкушает встречу.

Ярмир споткнулся, рука Нейджи тихонько дрогнула в ладони.

Они вскарабкались на небольшую площадку – выпотрошенные, молчаливые, избитые дождём камней, устало повалились на первую ступеньку – подножие лестницы к замку. Ярмир не смотрел вниз – он и так знал, сколько прошёл, не смотрел наверх – не секрет, кого он там встретит.

Он закрыл глаза, ещё больше сжал руку Нейджи. Это единственное, что у него есть сейчас. Горько-сладкий миг настоящей жизни. Которую он всегда откладывал. Потому что был недостаточно хорош для семьи. Недостаточно свободен для комедиантки Маруше. Недостаточно смел для зверя.

Ярмир притянул Нейджу совсем близко, крепко обнял, вжался в солёные влажные губы. И она ответила – торопливо, страстно, не закрывая глаз, из которых текли и текли предательские слезы.

– Пожалуйста, останься, – шепнул он. – Я отомщу за тебя. Здесь безопасно – зверь не станет рушить замок во время боя. Я хочу, чтобы мне было куда возвращаться. Чтобы меня кто-то ждал.

Ярмир с тревогой заглянул в помутневшие от слёз васильковые глаза. Даже если он погибнет, Нейджа сможет уйти, отсидеться, сбежать в другой город.

Но Нейджа упрямо качнула головой.

– А я не хочу оплакивать ещё одного мужчину, которому не сумела помочь, – она шмыгнула носом, – тем более, этот мужчина мне кое-что должен.

И правда, он многим обязан Нейдже – долг ценою в жизнь, если не больше.

– Как вернёмся, пан герой, не забудьте починить стол в моем трактире.

Сбитый с толку Ярмир поднял голову – синие глаза Нейджи сияли, она улыбалась сквозь слёзы.

Ледяные осколки, застрявшие в сердце, начали плавиться, но тут зверь снова издал протяжный вой.

* * *

Ворота росли от земли высоко вверх, не оставляя и клочка чистого неба над головой. Кованые, почерневшие от времени, они были сплошь усеяны изображением воинов с копьями

и мечами. Воины с правой створки шли в атаку на воинов левой створки, не замечая тучей нависшую над сражением хищную морду с раскосыми умными глазами.

Они с Нейджей налегли на тяжёлые створки вдвоём – тщетно. Ярмир было подумал, что всей кнежеской рати не хватит пересилить упрямство ворот, но петли с натугой застонали, и створки по чуть-чуть начали отходить вглубь.

– Скорее! – Ярмир прыгнул на ступеньку.

Нейджа охнула, приземлилась рядом.

Они стояли на узкой лестнице, спиралью опоясывающей воронку, что занимала всё пространство внутри замковых стен. Замок оказался перевернутой башней, она тянулась не вверх, а уходила вершиной в толщу скалы. На самом дне – очень-очень далеко – беспокойно металась чёрная тень. Его заждались.

– В прошлый раз здесь было поле, – Нейджа настороженно огляделась, – в замках всё слишком быстро меняется, герой. Кроме тебя самого...

Ярмир не дослушал. Он ощутил нетерпение зверя, его желание крови, тоску по азарту схватки, рвущийся изнутри порыв уничтожить, сломить. Неумолимая сила потянула Ярмира вниз, и он побежал – перепрыгивая через ступеньки, забыв о близости бездны, не слыша криков Нейджи. Белый плащ Смерти сверкнул над пропастью, Ярмир почувствовал легкое прикосновение – давняя знакомая осмелела и взяла его за руку.

Он бежал и бежал, лестница становилась всё круче, и казалось, она ведёт не вниз, а вверх. Ярмир слышал, как лязгают о каменный пол когти-ножи, как недовольно рычит соперник, чувствовал смрадный звериный дух – наваливалась тяжесть, сбивала с ног, заставляла задыхаться. Ярмир застонал, закричал, охрип от усилий, крик сменился воем, вой – рыком. Перед глазами поплыли картинки.

Светлый завиток, упавший на щеку и тёплый поцелуй.

Презрение в раскосых жёлтых глазах.

Насмешливая улыбка Смерти.

Тело Андэля в объятиях зверя.

Маска удивления, застывшая на мёртвом лице бродяги.

Дрожащая рука Нейджи в его ладони.

Ярмир зарычал ещё громче, мотнул головой. Одним прыжком преодолел последний пролёт. Мягко опустился на каменный пол.

* * *

Он пойман и загнан в клетку. Имя клетки – замок. Имя тюремщика – Брутвиг.

И он хотел на волю. Он грезил свободой.

Перед ним стоял человек с мечом. Слабый человек. Отчаявшийся. Он поднял голову, шумно втянул воздух. Фыркнул. Необычный запах. Станный. Так пах чужой страх, и так пахла его свобода.

Холка встала дыбом. Он обошёл человека по кругу, не отрываясь от настороженных глаз, внутренне собранный, готовый к молниеносному выпадку. Человек слегка подался вперёд, и он рыкнул, оскалил зубы. Запах страха усилился, и человек сделал шаг.

Он мог бы прекратить игру одним прыжком. Это было проще, чем рычать и скалить пасть. И проще, чем ждать столетия. И чем сдаться Брутвигу. Но он медлил. Сквозь привычный тяжёлый дух страха он чуял свободу. Ноздри с шумом раздувались – любимый забытый запах. Запах дома.

Человек занёс меч, и зверь прыгнул.

* * *

Ярмир оцепенел. Даже с мечом он чувствовал себя беспомощным и голым.

Зверь начал обходить его, глаза сузились, ноздри подрагивали. Ярмир едва поборол искушение упасть на четвереньки, так же шумно втянуть воздух – понять, почувствовать соперника.

Меч в руках задрожал – он почему-то стал непомерно тяжёл. Ярмир сжал рукоять, побелели костяшки пальцев. Сейчас или никогда!

Он занёс меч, и чёрная тень кинулась вперед. Клинок рассёк пустоту, но Ярмир успел увернуться. Потерял равновесие, упал. Острые когти задели шею – легко, почти ласково. Тёплые струйки потекли вниз по груди. Ярмир вскочил на ноги – только затем, чтобы снова встретить выпад зверя. Меч вошёл во что-то мягкое, воздух разрезал рык боли. Зверь вскинул лапу, лицо обожгли новые раны. Ярмир отскочил назад, оттёр рукавом кровь, моргнул.

Зверь, прихрамывая, ходил кругами, приглушённо рычал, из раненого бока капала кровь.

Он ранил тварь! Ярмир усмехнулся, перехватил меч, и вдруг согнулся пополам от резкой боли в боку – там же, где зияла рана у зверя. Ярмир заревел от злости, сейчас бы он сам не отличил своего рёва от звериного.

Огромная чёрная кошка оскалилась, пригнулась к земле, готовясь к новому прыжку. Ярмир замер. Вот его шанс. Надо только рассчитать удар. Он смог ранить бок зверю, и так же вспорет живот.

Ярмир поморщился – рана под колетом снова дёрнулась болью.

Глаза зверя блеснули лунным светом, лапы спружинили.

– Ярмир! – Нейджа кричала, но её крик был далёким, будто просачивался из другого мира, – если ты убьёшь зверя...

«Ты убьёшь себя», – прошептал Ярмир в унисон с прерывающимся голосом Нейджи и в последний миг отвёл клинок. Жаль, он был так близок к победе...

Чёрная тень метнулась к Ярмиру. Он не защищался – лишь открыл объятия. «Умру как Андэль», – подумал Ярмир и рухнул, придавленный горячим телом. Вспыхнула острая боль в груди. Спину выгнула судорога. И Ярмир вдруг забыл, кто он.

Он чувствовал запёкшуюся на боку рану, промокшую от крови шерсть, чувствовал звериную ярость, удивление, досаду – кто-то слабый ворвался в его жизнь, принёс боль, и Ярмир не мог покончить с этим слабым, остановить его.

Он лежал беспомощный, погребенный под тяжестью звёздного неба, в груди не осталось воздуха. Он хотел быть далеко отсюда, но очередная судорога подбросила, заставила впустить внутрь черноту, пропитаться ею.

И он был заблудившейся мыслью, занесенной в незнакомый мир. Грезил свободой, мечтал открыть дверь тюрьмы, на которую когда-то согласился сам. Принимал тысячи обликов – мог обернуться зверем, человеком, камнем, ветром. Чужие личины. Чужая земля.

* * *

Осколки его звезды упали на континент, и вместе со звездой он раскололся на сотни частей. Ему нужно было время, нужна была сила. Но не хватало голоса – чтобы сказать, рук – чтобы взять, и ног – подойти поближе. Он начал играть с пространством – проникал в людские мысли, строил из обрывков образов дома, родные земли, разрушал, создавал заново. Это вызвало лишь страх. Раньше его не замечали, теперь – намеренно избегали.

А потом пришёл Брутвиг. Первый, кто сумел разглядеть его. Борьбы не было. Был договор. Брутвиг просил безраздельную власть над людьми. А взамен обещал лучших сынов кон-

тинента. Он согласился. И взял у Брутвига ещё кое-что – сделал внутреннюю сущность кнежа своим внешним обликом. Остатки родной звезды обнесли высокими стенами. А его стали звать Зверем.

Первого зверя не видел никто. Но второй и третий, а потом двойники по всему континенту, уже обладали сильным смертоносным телом, вылепленным из страха и ярости дворянских сынов. Он пил юные жизни, жадно глотал знания и отдавал взамен то, что каждый заслуживал. Достойные выходили живыми, но оставляли свою силу и уносили частичку его самого. У слабых нечего было брать, кроме страха, – тех юношей он убивал, смакуя предсмертный ужас. Кто бы ни выиграл, Зверь выживал. Как можно убить то, чего нет? Чёрная тень большого хищника растворялась в пространстве замка – двойник исчезал до следующего героя.

Он был доволен и сыт. И начал забывать, как сюда попал. Сражения приносили неведомое раньше наслаждение. У него было непобедимое тело, он мог двигаться, чувствовать, жить. Мог всё, кроме одного – вырваться на волю. Тоска по родине стёрлась, осталась тупая боль запертого в клетку существа. Он гасил в себе эту боль. Ради чужой силы, в которой нуждался теперь больше, чем когда-то Брутвиг в его помощи.

Но однажды чужая сила отравила Зверя. Юноша в замке под Костэ сумел его ранить. Он сделал то, что не делал никто – перестал защищаться. Привыкший жить злобой, Зверь почувствовал себя неуютно и пропустил удар. Юноша оказался слишком хорош, и Зверь вдруг испугался за свою шкуру. Которой на самом деле не было.

Сейчас Зверь умирал. Продавленные ребра не давали дышать. Ему было гораздо хуже, чем под Костэ. Он сжился с хищным телом в одно. Стал слишком ранимым и слишком настоящим.

* * *

Выдох вырвался из груди вместе с криком. Ярмир напрягся, отчаянным рывком сбросил с себя полуживую тушу. Пошатываясь, поднялся на ноги, подобрал меч.

Голова гудела от чужих мыслей. Чужих ли? Сейчас он сомневался, что знает, кто он. Может, зверь. Может, человек. Или то существо со звёзд, что грезит о свободе.

Зверь лежал на боку, тяжело дышал. Осталась мелочь – занести меч и отрубить твари голову.

Зверь повернул морду, встретил его взгляд, как встречают удар клинка.

Ярмир так долго шел к этой победе. Бросил семью, которая его вырастила. Предал Маруше, которая его любила. Пожертвовал друзьями. Все силы и мысли отдавал зверю. Ради чего? Чтобы выйти из замка с клыкастой головой в руках и тем снискать расположение кнежа, которого презирает? Он был глупцом, он всё потерял, но прошлого не вернешь. Не зверь его сделал таким. Он сам. И он ещё может остаться человеком.

– Иди с миром, – Ярмир отошёл в сторону.

Зверь понял – в жёлтых глазах сверкнула благодарность. Он тяжело поднялся и, прихрамывая, шагнул в тень.

Ярмир долго стоял неподвижно. Не замечая, что дышать уже не больно. Не чувствуя, как перестаёт пульсировать бок. Не видя обнявшей его Нейджи. Не осознавая, что они в замке одни.

Очнулся он на открытой террасе – вершине башни. Далеко внизу пёстрой тканью раскинулся между холмов город Гота. А в небе потерянной звездой блестела яркая точка, поднимаясь всё выше и выше.

Он покрепче обнял Нейджу и улыбнулся – теперь Ярмир чувствовал себя по-настоящему свободным.

* * *

Он летел домой – к своим звездам. Человек в перевёрнутой башне смог дать ему то, что нужно.

Завтра все замки зверя разрушатся сами собой, и люди найдут там мёртвых существ, созданных злобой и страхом.

Он оставил всё, что взял. Кроме одного подарка – прощения.

Тотальная аннигиляция

«Всё идёт по плану...»
Гэндо Икари «Евангелион»

Григорий Кабанов
Сайт фантастика. рф

Во времена, когда все мечты человечества были исполнены, испуганный мужчина бежал по коридорам, судорожно озираясь назад. За шумом собственного дыхания было трудно разобрать шаги преследователя. Лишь длинная тень время от времени падала на стену очередного изгиба бесконечно петляющих футуристических катакомб.

Оказавшись в небольшом холле (благодаря металлическому полу и трубам тот напоминал машинное отделение старинного корабля) беглец сбавил шаг и обернулся.

Звонкие щелчки каблучков вознеслись над дребезжащим эхом. Мужчина усмехнулся и что-то пробормотал в передатчик, закреплённый на руке

Из-за нагромождений железных шкафов показалась невысокая фигура. Строгий серый костюм – пиджак с длинной юбкой, – а также лакированные туфли в тон чёрным волосам, производили впечатление деловой женщины. Глаза хранили ледяную серьёзность, не позволяя ни одной эмоции коснуться правильных черт её красивого лица.

– Ты меня не достанешь, сука! – крикнул мужчина, истерично усмехаясь. В подтверждение его словам тишину огласила дробь глухих шагов. Между беглецом и преследователем живой стеной выстроились люди в чёрных костюмах. Сверкнули бластеры. Хором щёлкнули предохранители.

Неуловимый кивок головы, и один из охранников улетел в сторону. Движение глаз, и второй, кувыркнувшись, впечатался в потолок. Женщина подняла руку. Шея следующего сломалась, будто у цыпленка. Миниатюрные пальцы сомкнулись, и очередного человека смяло, как лист бумаги. Продолжая производить изящные жесты, напоминающие взмахи дирижёра, женщина хладнокровно забирала жизнь за жизнью.

Плазма, выжигающая искрящиеся языки пламени из всего – от металла до камня, – не причиняла охотнице никакого вреда. Смертоносные, пылающие стрелы беззвучно исчезали, касаясь идеально выглаженной серой ткани.

Когда последний телохранитель разлетелся на бурые ошмётки, убийца перешагнула через труп и подошла к мужчине. От ужаса тот не мог пошевелиться, лишь сидел на полу у стены, разрисованной причудливыми узорами тёмно-красного цвета.

– Приказ: тотальная аннигиляция на квантовом уровне, – произнесла женщина, указав рукой на трясущегося от страха мужчину. Тот заслонял лицо пальцами, не желая наблюдать, как от стен отламываются бесформенные куски и, будто подхваченные ветром, устремляются в странный полёт.

Жестяные перегородки, обломки труб, клапана, шланги – они отрывались и медленно кружили по комнате. Створки шкафов падали на землю, и искрящиеся электронные платы, размахивая оборванными проводами, пускались в неторопливый вальс меж потолком и полом. Сотни, нет, тысячи деталей соединялись в новый механизм, опутывая её правую руку. Конечность женщины обросла нагромождениями железного мусора. Олово на раскаленных проводах сплавляло вырванные куски аппаратуры в самых сумасшедших комбинациях. При этом датчики, светодиоды и жидкокристаллические экраны тут же принимались перемигиваться зелёными огоньками, показывая, что этот ужасающий хаос функционирует исправно... и тут же скрывались под новой порцией блестящих обломков.

Это длилось целую вечность, до тех пор, пока указывающая на жертву рука окончательно не скрылась в недрах приспособления, превышающего любые мыслимые габариты. На глазах обречённого мужчины, искрясь, сварились последние узлы, сделанные из фермы, минуту назад подпиравшей потолок, и куска железной лавки. Небывалого размера пушка была завершена. Высотой и шириной ненамного меньше роста женщины, а длиной три-четыре метра, этот устрашающий механизм пришёл в движение. С шумом вращались маховики, странной мелодией переливались звуковые сигналы, а исполинские дула восьми стволов принялись наливать пламенем и исторгать жар.

Вслед за криком всё озарил испепеляющий огонь.

* * *

Во времена, когда все мечты человечества были исполнены, появились новые – ещё более безрассудные.

Ученики старшей школы выстроились у экрана, украшенного самыми красивыми огоньками Вселенной. Учитель, сопровождающий их экскурсию, рассказывал о том, что огромная крепость из стекла и металла, чернеющая на фоне Млечного Пути, – деталь величайшей электростанции.

– Это «Звёздная Плотина». Вокруг ядра нашей галактики звёзды движутся с огромной скоростью. Вытянутый овал, который они образуют, называется «перемычкой». Они пронесутся меж двух рукотворных крепостей – «Опор Звёздной Плотины», и возмущения электромагнитного поля рождает колоссальные запасы энергии. По беспроводным каналам она питает соседние звёздные системы. И вот сейчас «Опора» передвигается чуть ближе к «чёрной дыре», чтобы дать человечеству ещё больше энергии, восполнить увеличивающиеся потребности...

Зрелище завораживало. Дрожащие, прыгающие, мечущиеся искорки звёзд. Чёрные газопылевые облака, которые проносились мимо ядра и заслоняли его, будто песчаная буря, играющая солнечным светом. Космическая станция, называемая «Опорой», отображалась в стереоформате. Запись производилась с двух телескопов, расположенных в тысяче километров друг от друга, из-за чего всё казалось игрушечным, даже многотонная конструкция, летящая к центру Млечного Пути.

Но юноша, стоящий особняком, удивился совсем не тому, чему был должен.

Впервые за долгие годы к нему подошла самая красивая девушка в классе. Это показалось подозрительным, но он старался не подавать вида. Она почти беззвучно прошептала:

– Мне нужно кое-что тебе сказать. Пошли со мной.

Ожидая подвоха, он оглянулся по сторонам. Затем почувствовал теплоту и мягкость её пальцев, схвативших его за руку, и пустился следом за красавицей, совершенно не представляя, что будет дальше. Прикосновение бархатной ладони заставляло сумбурные мысли бегать по кругу, будто звёздочки, пойманные гравитацией «чёрной дыры» и не способные вырваться из этого плена.

Она никогда не обращала на него внимание. Ни разу за всё время совместного обучения. Не брала его тетрадей (для этого существовали подружки), не разговаривала и почти не смотрела в его сторону. И даже в те редкие моменты, когда они встречались взглядами, она делала вид, что не смотрит, не видит, не хочет иметь с ним ничего общего. Так что же случилось теперь?

Неведомыми тропами звёздного отеля (изысканная отделка чуть изогнутых коридоров напоминала палубу прогулочного судна), они добрались до туалетной кабинки и заперлись изнутри. Всё это было странным, похожим на фарс и в то же время волнующим. Они стояли почти вплотную. Её макушка находилась под его носом, волосы приятно пахли. Тёплое дыхание спутницы будоражило его измученное воображение.

– Послушай. Я попала в беду. Ты мне поможешь?

Машинально кивнув, он с удивлением обнаружил, что несётся по коридорам космической станции вслед за бесцеремонной одноклассницей. Почти ничего не объяснив, кинув лишь одно-два слова, она увела его в странное приключение. И он согласился.

Но разве можно отказать такой до умопомрачения красивой девушке?!..

Во всём этом не было никакого смысла, равно как и причин. Лишь щемящее, дразнящее чувство опасности, будто он делает нечто запретное, за что могут сурово наказать. Ощущение это отдавалось приятной дрожью в каждой клетке, в каждой молекуле его тела. Он не знал, куда они бегут. Не догадывался, зачем или, точнее сказать, отчего. Быть может, их и правда кто-то преследует? Или они просто решили вырваться из оков обыденности? Кто знает, ради чего делается хоть что-то в этом мире?

Отделанный по последней моде коридор извернулся змейёй, и вот, они очутились в большом холле с необъятным куполом. Сотни красиво одетых мужчин и женщин кружились в вальсе. Лаконичным взглядом девушка намекнула, что им нужно присоединиться к танцу, и вот они уже сами, шаг за шагом, обхватив друг друга, заходят всё дальше в движущееся многоликое единое людское существо, подчинённое командам завораживающих нот. Робко касаясь стройной талии, боясь сделать лишнее движение, чувствуя тепло её пальцев, он ловил её дыхание, текущее по его шее порывом лёгкого ветра. Он оглядывал окружившие со всех сторон фигуры во фраках, пиджаках и вечерних платьях самого разного покроя. При этом чувствовал вину за повседневную одежду, которая в окружении изысканных костюмов создавала эффект, противоположный обычному, – выделяло из общей массы.

Повинуясь броуновскому движению, они вышли к сцене, на которой стояли музыканты. Скрипки светились различными цветами радуги, подстраивая ослепительные цвета под высоту тона. Внутри виолончелей разноцветные маслянистые капли образовывали самые удивительные формы, что рождались и взрывались при касании смычка. Контрабас был полон кристально-чистой воды; золотые рыбки внутри, казалось, танцевали в такт музыке, размахивая блестящими хвостами во время взятия густых, осязаемых нот.

В такие моменты можно без колебаний признаться в любви. А можно просто молчать, наслаждаясь звуком дыхания танцующей в твоих объятиях красавицы.

Охранники лениво проводили их взглядами, и вот они снова бегут по лабиринтам звёздного отеля в поисках неизвестной цели, которой, быть может, и вовсе не было. Как нет цели у расширяющейся Вселенной, у частичек света или у искреннего счастья.

Почти никогда в жизни ему не доводилось испытывать это чувство. Лишь иногда, перелистывая страницы интересной книги, он замечал, как сладостный адреналин наполняет кровь, поджигает сердце и дразнит вечно скушающий разум. А теперь (эта банальная фраза!) он будто сам оказался героем книги. Это как следить за кем-то, напоминающим тебя, по ту сторону кинотеатрального экрана. Бесконечно яркие краски заставляют всё сильнее сомневаться в происходящем. Так и он не верил, что бежит вслед за одноклассницей по вычурным переплетениям чужих коридоров. Не верил тому, что видел, слышал, ощущал и тем более думал.

Школьная романтика так поспешно минула его жизнь, что он не был в силах даже поверить в её реальность. Всё это казалось суеверием, нелепой шуткой, которую рассказывают недалёкие люди. Избитый, абсурдный анекдот. И всё же от странного, опьяняющего чувства кружилась голова.

Её бархатные пальчики мягко коснулись его груди. Но лёгкость эта показалась смертельным ударом. От волнения сердце забилося ещё сильнее.

– Стой! За поворотом охранник, – вылетев из её чувственных губ, слова прозвучали отнюдь не тревожно. – Мы побежим вон к той двери на счёт «три».

«А что будет, если дверь заперта?» – хотел спросить он, но девушка уже сорвалась с места и кинулась через разветвление. Пара секунд показалась слишком опасной задержкой, но пути назад не было. Оставалось лишь броситься следом.

Высокий, худощавый охранник стоял слишком далеко, чтобы среагировать на шум. Он развернулся, когда школьник почти добежал до проёма (одноклассница с укором сверлила его взглядом из-за приоткрытой двери). Хлопнул замок, и они спустились по лестнице на более внешний виток спиралевидной станции.

Стены здесь были окрашены в бледно-красный, а номера комнат упали на пару сотен. Им бесконечно повезло, что на протяжении длинного, чуть изгибающегося коридора не дежурило ни одного охранника. Но везение могло иссякнуть в любой момент.

Девушка выглянула за поворот «перекрёстка» и тут же юркнула обратно. Лицо её исказил испуг.

– Это что – она? – прошептали её дрожащие губы, а глаза принялись метаться в поисках потерянной мысли.

– Что случилось? – осторожно произнёс парень.

– Что она здесь делает? – бормотала школьница. – Вот чёрт! Неужели...

Он выглянул за поворот. Стоя у перепутья, даже полностью скрывшись от взора неизвестных людей, он мог расслышать их голоса.

Женщина в строгом костюме беседовала с тремя охранниками.

– «Пси-корпус»? – спросил мужчина и вернул собеседнице удостоверение. – Ничего себе. Серьёзная организация. И кого вы ищите?

Её ответ расслышать не удалось. Возможно, она ничего и не произнесла, ведь «Пси-корпус» – это...

Неужели, та избитая байка, которую без усталости повторяют на телевидении, оказалась правдой? Это звучит дико, но если агент легендарной организации владеет хотя бы сотой долей того, что им приписывают обыватели, дела – серьёзней некуда...

Повернувшись к подруге, он увидел, что та вытащила смартфон и рассматривает размытый фотоснимок. Неудачно сделанный, он, тем не менее, заставил её глаза округлиться, а брови подняться в немом крике.

– Она... – шептали дрожащие губы.

Парень осторожно коснулся её плеча:

– Кто это?

– Ты отвлечёшь их, а я побегу налево, – она его будто не слушала.

– Что тебя напугало?

– Выйди, подойди к ним, что-нибудь крикни и побегу прочь...

– На снимке – женщина, стоящая сейчас за углом?

– ... Так, чтобы за тобой бросились следом, а в это время я...

– Откуда у тебя эта фотография? Ты что, уже встречалась с ней?

– ... Побегу налево, мне нужно преодолеть двадцать метров. Если ты не отвлечёшь их, нам конец. Понял?

– Нет.

– Понял?

– Почему – конец?

– Ты понял?

– Скажи мне, почему?!

Она замолчала. Затем заглянула ему в прямо в душу своими блестящими от слёз глазами.

– На счёт три, хорошо? – спросила она почти шёпотом.

Он вышел из-за угла и двинулся по центру прохода, пытаясь изобразить непринуждённый вид. Колени неисправимо дрожали. Женщина, та самая, которая на снимке одноклассницы

стояла в окружении зависшего в воздухе металлического мусора (должно быть, фотография была сделана во время взрыва и навечно остановила летящие во все стороны осколки), не произносила ни слова, но охранник вновь и вновь отвечал. Коротко, односложно. Гарнитуры в ушах его не было. Так значит, «Пси-корпус» – не выдумка?..

Школьник встретился взглядом с женщиной и пошёл прочь. Боковым зрением он увидел, как она двинулась следом.

Сказка кончилась. Грань между вымыслом и реальностью стала как никогда отчётливой. Герои кинофильмов, кажется, вообще не испытывают эмоций, лишь красочные взрывы озаоряют их спины. Но когда страсти накалились, парень осознал, как далеко это от действительности. Разряд адреналина и сладостное напряжение меркли в тени совсем иных чувств. Унизительный страх, который заставляет ненавидеть себя. Дрожь во всём теле, как у припадочного больного. Но самое мерзкое – мучительный стыд. Вряд ли беглец, осуждённый за убийство, которого не совершал, – герой нашего времени – испытывает угрызения совести. Он считает, что поступает справедливо и во имя истины имеет право даже на убийство. Но школьник с досадой понимал: он не робот, не тень выдуманного человека и даже не актёр на съёмочной площадке. Он тот, кто совершает непоправимое. И это совсем не шутки.

«Остановись», – раздался голос в его подсознании. Неестественный, будто имплантированный. С ужасом предполагая, что это беззвучная команда агента, парень ускорил шаг.

Вмиг всё перевернулось и смешалось. Ноги сами оторвались от земли, и он взмыл в воздух. Сердце, и без того отчаянно стучащее, теперь явственно причиняло боль. Что произошло? Исчезла гравитация? Но она вызвана вращением станции. Если бы та резко остановилась, его швырнуло бы об стену. Так значит...

Оглянувшись, висящий между полом и потолком, он встретился взглядом с женщиной, поднявшей правую руку и будто подтягивающую невидимые нити. За её спиной, из-за угла, выбежала девушка и, не обращая внимания на кинувшихся следом охранников, устремилась в противоположную сторону.

«Хоть бы она успела, – подумал парень, и агент тут же обернулась. – Она что, прочла мои мысли? Услышала, как я думал об однокласснице? Если так, значит, это я её выдал...»

Агент выставила руку, чтобы поймать беглянку в незримые тиски, но не успела. Хлопнула дверь, щёлкнул замок. Женщина, не торопясь, двинулась в её сторону. А охранники бросились за молодым человеком, который, освободившись от неизвестной силы, рухнул на пол и устремился прочь.

Из неожиданно открывшейся кабины лифта вышел мужчина с собакой. Школьник поймал свой последний шанс, оказался в кабине и выбрал самый нижний уровень – внешний виток спирали. Впереди – ещё двадцать этажей.

Вдруг пришло озарение. Парень нажал на клавишу этажа, мимо которого ехал, в самый последний момент, но электроника успела среагировать, и двери лифта открылись. Как только он покинул кабину, в ней погасло освещение. «Ну, конечно. Чем устраивать засаду, легче вырубить лифт... Нужно было лишь связаться с оператором, и на это ушли те десять секунд, пока я спускался, ни о чём не подозревая. Меня спасло лишь чудо».

Пусть они и знают, где он вышел, но пока они туда доберутся, парень успеет удрать. Двигаясь самым неожиданным маршрутом, он, кажется, запутал след.

Но что теперь? Маленькое приключение подошло к концу. Их пути разошлись, как корабли в межзвёздном пространстве. Впрочем, его по-прежнему не покидало чувство, что он ещё не очнулся от этого сна. Как будто где-то на границе подсознания, там, где ещё теплятся мечты давно ушедшего детства, жива надежда встретить красавицу ещё раз и выполнить своё обещание. Ведь он дал слово, что поможет ей.

Действительно, вряд ли он сможет найти её в этом гигантском муравейнике. Одноклассница так и не сказала, куда направляется. Но, в отличие от женщины-агента, он помнил, каким

маршрутом они добрались до той развилки. И будет вполне вероятным просчитать: кратчайшим путём к какому месту он мог быть? Даже если девушка изменила направление в попытках уйти от погони, рано или поздно она всё равно появится в намеченной точке. Там, куда они двигались изначально. Изучив план отеля на одном из терминалов и сделав необходимые выводы, он двинулся к внешнему уровню.

Мысли в сумбурных потёмках становились как никогда запутанными. Терялась всякая суть, поглощаемая лабиринтами бесконечных заблуждений, как терялся и он сам, пытаясь нащупать нужную дорогу. Лишь навигатор помогал не отчаиваться окончательно. Надо всем этим ворохом нечленораздельных бессмысленных лозунгов возвышалась единственная цель. И она помогла добраться до самого края.

Ветвления ходов, обрамлённых дверьми, закончились, освободив пространство для доков, шлюзов и складов. Металлические платформы для швартовки кораблей, многоэтажные полки с громоздкими ящиками и тонкие, почти невидимые мостики между ними – всё это, держась на выдающихся из потолка колоннах в одном необъятном холле, возвышалось над застеклённым полом, под которым не было ничего. Достаточно представить чёртово колесо в парке, которого нет. И лишь недостижимые огоньки звёздных гирлянд своими мистическими отблесками отнюдь не рассеивали тень, а только подчёркивали её беспросветную мрачность. Это был цвет пустоты, абсолютной, бездонной, безразличной и столь же бессмысленной.

Суровая реальность обожгла сильнее жидкого азота. Увидев группу знакомых ребят, возглавляемых его учителем, он осознал, каким же глупым выглядело их приключение. Пока они с одноклассницей метались по коридорам, группа совершенно обыкновенным маршрутом добралась до пункта назначения их нелепого побега. В подтверждение этим словам из шлюза неподалёку появилась зачинщица переполоха. Она тоже направилась к толпящимся школьникам, отводя взгляд и, кажется, не желая вспоминать о случившемся, будто и сама всё только что поняла.

В компании шумных, набивших оскомину личностей, слушая рассказы преподавателя об этом грузовом порте, парень, наконец, снова вспомнил о своей прежней точке зрения. В который раз он поразился, как же абсурдно всё, касающееся отношений с девушками. Не успев опомниться, он был вовлечён в игру, цель которой – заставить его ещё сильнее убедиться в своей ничтожности. Лишь одно достоинство было у этого лицедейства – как и всё в этом мире, оно заканчивалось.

– Здесь причаливают грузовые суда, – говорил учитель. – Видите, насколько более солидный размах этой секции по сравнению с пассажирским космопортом? Грузовые поезда, кроме тянущих секций с двигателями, в основном состоят из цепочек контейнеров, а они в свою очередь могут тянуться на тысячи километров. Длина рекордсмена составляет около трети астроединицы. Представляете, насколько это?.. Простите, кто вы? Зачем она вам? Это не доказательство! Они все приехали со мной, и всех их я намерен...

Раздался громогласный хруст, и обезглавленное тело классного руководителя рухнуло на пол. Женщина в чёрном костюме переступила через труп и неспешно двинулась сквозь разбегающуюся толпу.

Парень застыл от удивления, вглядываясь в потоки багровых капель. Лишь касание одноклассницы помогло ему вырваться из плена собственного бессилия и броситься в отчаянный побег. Он знал, что агент преследует их, но возможности обернуться не было. Они неслись по тонким мостикам между грузовыми машинами, и если бы он хоть на миг отвлёкся, мог бы разбиться о толстую стеклянную перегородку, где-то далеко внизу отделяющую пригодное для жизни пространство от смертоносной космической бездны.

– Учителю звонил? – бросила запыхавшаяся девушка.

– Нет.

– Значит, сам нашёл? А ты не такой уж дурак.

– Конечно, я не дурак – у меня лучшие оценки в классе! – почти крикнул он и понял, что никогда ещё так резко не разговаривал с человеком противоположного пола. Он ждал любой реакции с её стороны, но получил в корне иное:

– Молодец, я в тебя верю. Поэтому и попросила о помощи. Ты на меня не сердишься?

Они перелезли через цепочку, которая была символической защитой от туристов, и парень отрешённо подумал: «Так вот, оказывается, как работает психология. Чем небрежнее ты относишься к человеку, тем сильнее он тебя уважает».

Они остановились у самого края. Мостик обрывался, окружённый пустотой. Должно быть, один из причалов.

Девушка обернулась. По-прежнему неторопливо шагая, агент тем не менее почти догнала молодых людей. Слыша свой голос будто издалека, парень произнёс:

– Мы можем перепрыгнуть на ту платформу.

Взглянув на широкую площадку десятью метрами ниже и двадцатью-тридцатью дальше, одноклассница состроила одну из убийственных гримас, оскорбляющих сильнее самой грубой речи. Но школьник не сдавался:

– Эффект гравитации создаётся центробежной силой. Станция вращается, и, благодаря крутящему моменту, нас прижимает к полу. Но если со всей силы бежать против её движения, для нас с тобой тяготение будет слабее...

Вместо утвердительного ответа или хотя бы скупого кивка она просто разбежалась и сорвалась в бездну.

Самая известная присказка всех учителей: «Если все прыгнут в пропасть, ты тоже это сделаешь?» Он всегда был уверен в своём ответе, но, тем не менее, поступил наоборот – бросился с края мостика, наблюдая за тем, как его подруга группируется перед ударом о платформу. Миг захватывающего полёта истёк слишком быстро, он лишь успел согнуть ноги в коленях и расслабить мышцы до того, как почувствовал боль. Он так и остался бы лежать без сил, если б девушка не подняла его на ноги. Продолжая бежать, он проклинал себя за поспешность. Каким же он был самонадеянным глупцом, решившим, что способен просчитать такой непредсказуемый прыжок? С той же вероятностью, что и нехватка скорости, они могли попросту перелететь через площадку.

Под диссонирующие аккорды сумбурных терзаний раздался рёв металла. Позволив себе обернуться, парень увидел, как слетевший с привязи крейсер, будто невесомую паутину, сносит переплетения стальных мостиков. Двигатели не работали, и школьник сделал ещё один пугающий вывод относительно «Пси-корпуса».

– Внутрь!

Следом за девушкой он проник в небольшой скоростной катер и лишь потом понял, что они оказались в ловушке. Если только она не...

– Шлюзы открываются автоматически, чтобы избежать аварии, – сказала школьница и крутанула массивный штурвал, который на фоне её тонких ручек казался ещё крупнее. Приборная панель пестрила огоньками, а над ней – за лобовым стеклом – тревожно увеличивалась разъявленная пасть открывающихся ворот. Всего за секунду катер, набирая скорость, пронёсся через стометровый металлический коридор и оказался в открытом космосе. Всё вокруг будто застыло: россыпи звёзд, дымящиеся пылевые облака, завихрения галактик. И лишь на экране заднего вида резко, почти мгновенно, уменьшился металлический тор гостиницы.

– Ты умеешь управлять звездолётом?! – взвизгнул парень.

– Ключом не щёлкай, – съязвила школьница. На этот раз это было не презрение, а дружеская подколка.

Он знал слишком многое о полётах, чтобы спрашивать, всё ли она сделала правильно. В противном случае не было бы и шанса спросить. И ещё знал, что сам никогда не смог бы даже

завести этот катер, не говоря уж о том, чтобы за какую-то пару секунд выгнать его из доков и набрать околосветовую скорость...

– Садись в кресло и, ради Бога, отвернись от меня. Переходим на атомную тягу.

Паренёк выполнил её просьбу и, как только на приборной панели загорелось вдвое больше лампочек, приступ тошноты чуть не вывернул его наизнанку.

– Аккуратнее! Не дрова везёшь!

Она улыбнулась:

– Вот уж не знаю: дрова или не дрова...

Несколько минут длилась спокойная пауза. Приглядываясь к застывшим светилам, он пытался уловить их движение, а время от времени робко поглядывал на одноклассницу. О произошедшем думать не хотелось, поэтому всё внимание он направил на созерцание огненного шлейфа позади корабля. Инверсионный след. Пламя из атомных двигателей. Очень опасное и величественное явление. Эту тягу запрещено запускать вблизи планет или космических аппаратов, ведь по мощности она равна взрыву термоядерной бомбы. Казалось бы, страшное и абсурдное изобретение... но ведь космос и так превращён в одну большую «микроволновку» из-за «Звёздной Плотины», передающей по беспроводным каналам неограниченный запас электричества.

Паренёк пытался забыть о кошмарной смерти учителя, о коварном агенте правительства, силой мысли крушащей космические корабли... Но ужас вернулся. На экране заднего вида появилась блестящая точка. Увеличив изображение, девушка и её друг остолбенели от шока.

Прямо по открытому космосу, без транспортного средства и даже скафандра, в одном лишь деловом костюме, как в абсурдной сказке про волшебников, за ними по пятам гналась женщина из «Пси-корпуса». Больше всего шокировало невозмутимое лицо, белеющее на забрызганном помехами экране.

– Сейчас я эту курицу поджарю, – процедила сквозь зубы девчонка и дёрнула штурвал.

Инверсионный след изогнулся и волной понёсся в сторону мистической фигуры. Женщина не успела отреагировать, и её накрыл шквал ядерного пламени. Подобно свету, собранному линзой в обжигающий пучок, сила атомного взрыва, сконцентрированная в одном направлении, усиливается в миллионы раз. Он уничтожает абсолютно всё, что попадает на него на пути.

Когда огненный всплеск на изломе траектории исчез, ребята даже не пытались разглядеть то, что осталось от преследующего их агента. Но увидев знакомую искорку, выпархнувшую из пламени, они вновь испытали потусторонний ужас. Она всё ещё летела за ними. Огненный шквал лишь растрепал ей волосы. Кажется, она что-то выплюнула, будто нахватавшись дыма, но продолжала нестись в безвоздушном пространстве. Тлеющие песчинки постепенно гасли на выглаженной чёрной ткани. Невероятно. Невозможно!

– Да пошла ты на хер, сука драная! – взвизгнула девочка и снова крутанула руль. Затем стукнула по сенсорам, увеличив тягу. Генератор силовых полей едва справлялся, парень чувствовал, что его дико трясёт, тошнота подбиралась к горлу.

Волна за волной накрывали преследовательницу, но та вновь выныривала из кромешного ада, не сломленная, не побеждённая и даже не изменившая выражение лица. Лишь приборная панель постепенно покрывалась красным сигналами.

– Пожалуйста, прекрати!.. – не выдержал парень.

– Что тебе надо, тварь?! Когда же ты сдохнешь?! – отозвалась девушка, не слыша его.

– ... Перестань! Мы можем погибнуть!..

– Гори, чёртова ведьма!

– ... Двигатели скоро...

– Умри, тварь:

– ... Перегреются и тогда...

– Зажарься, сволочь!

– ... Мы умрём, ты что, не понимаешь?!

– Да что с ней не так?! – завизжала девчонка в слезах и бросила штурвал. Затем принялась плакать навзрыд, молотя кулаками по подлокотникам.

С экрана по-прежнему взидало бесчувственное лицо агента «Пси-корпуса». Кажется, женщина едва заметно ухмыльнулась, а может, дело было в ракурсе.

– Она убила моего брата, – пробормотала школьница, и парень вышел из ступора. – Та фотография... её прислал мой брат перед своей смертью. Она преследовала его так же, как и нас с тобой.

– Почему она это сделала? – спросил молодой человек, не надеясь на внятный ответ. Но, тем не менее, он его получил:

– Братик возглавлял неформальную организацию. Людей, которых не устраивает нынешний порядок вещей. Ты ведь знаешь, что «Звёздная Плотина» бомбит миллиарды планет вредными излучениями. Когда-нибудь это приведёт к концу всего, что мы знаем. Мой брат хотел, чтобы люди одумались. Но как только он приблизился к осуществлению мечты, появилась она. Та женщина-агент. Она убила его. И не просто убила, а распылила все его молекулы, атомы, всё! Полное уничтожение! Та же участь ждёт и меня. Именно поэтому она не оторвала мне голову, как нашему учителю. Она хочет сжечь все частицы моего тела. Выжечь душу. А для этого меня сначала нужно поймать.

После этих слов красотка улыбнулась, и в глазах её сверкнул сумасшедший огонёк. Происходящее становилось всё более странным.

Катер нёсся в сторону центра галактики. Огромный пылающий квазар, будто глаз Саурана, взидал с укором, по-прежнему застыв в недоступной дали. Пункт назначения не был секретом. Если на стене висит ружьё, оно должно выстрелить. Если вначале рассказывается о «Звёздной Плотине», главные герои обязаны на ней побывать.

Вытерев слёзы, девушка назвала позывные корабля и цель прибытия. Всё так же быстро, не теряя ни секунды, загнала судно в доки, вырубилла все системы и посмотрела на одноклассника.

– Ты пойдёшь со мной?

В её руке – извлечённый из бардачка бластер. Молодой человек принял оружие, сурово заключив:

– Она убила учителя.

– И моего брата, – отозвалась подружка сорванным голосом.

– Мы ей отомстим. Покажем этой стерве, что власть ничего не решает.

Школьница одарила его почти влюблённой улыбкой:

– Мы не будем никого убивать. Просто держи их на прицеле. Нам нужно пробраться на уровень «Е».

– Мы это сделаем, – подтвердил парень и выпрыгнул из люка, оказавшись во всемирно известной электростанции.

Девушка метала обжигающие взгляды в сторону скрытых камер, пока они бежали по коридору к грузовому лифту. Непонятно, откуда она взяла пропуск, но створки открылись, и ребята понеслись вглубь железного лабиринта.

Сзади раздался грохот. Будто пуля с человеческого рост, разогнанная до околосветовой скорости, пробилла шлюзы и ворвалась в недра «Плотины», нарушив герметичность и, навёрняка, унеся несколько жизней.

Створки лифта открылись. Школьник повторил за одноклассницей опасный жест, и они оба, наставив бластеры на удивлённый персонал, двинулись к цели. Туда, где находится одна из панелей управления.

По ушам рубанул рёв искорёженного металла. Потолок лифтовой кабины разлетелся вдребезги, и на усыпанный осколками пол плавно опустилась строго-одетая женщина. Беглецы успели скрыться за поворотом до того, как сзади раздались истошные крики. Должно быть, кто-то попытался её остановить, и она, как всегда, не задумываясь, пустила в ход свой смертоносный дар.

От безудержной злости защекотало внутри. Стиснув зубы, парень шёл вперёд. Назло этой бесцеремонной машине убийства. Назло правительству, пустившему её в ход. Назло всему миру они шли дальше, пробиваясь через всё более высокие уровни защиты. Он прекрасно понимал, что диверсия была спланирована заранее. Наверняка, брат с детства готовил сестрёнку к этой самоубийственной миссии. Всё это напоминало террористический акт с участием фанатичных шахидок, готовых взорвать себя во славу Аллаха. И всё равно продолжал идти вперёд, ведь, несмотря на свою отчуждённость и нелюбовь к глупым тинэйджерам, сам был одним из них. Таким же максималистичным идеалистом, готовым сделать что угодно, лишь бы не подчиняться чужой воле.

Удача или саботаж, поддельные электронные ключи, а может, компьютерный вирус, вовремя запущенный в систему, но так или иначе они оказались в святая святых. Вряд ли стоило сомневаться в том, что красавица сможет разобраться в тысячах переключателей, что опоясывали величественный зал.

Её пальцы прыгали по сенсорам, будто по клавишам фортепиано. Молодой человек любовался этими стремительными, отточенными движениями лишь изредка, не силясь совладеть с любопытством. Всё внимание было направлено на шлюз, который он держал на мушке. За окнами, возвышающимися над панелями, раскинул объятия Млечный Путь и огромное, во весь обзор, розовое пятно галактического ядра. Звёздочки вокруг «чёрной дыры» – будто мириады зрителей, поднявшие над головой огоньки зажигалок в восторге от своего кумира. Словно ни одно светило вселенной не хочет пропустить разыгравшееся здесь представление.

Люк полуметровой толщины вырвался из шлюза, как пробка из бутылки шампанского. Обломки запирающего механизма разлетелись картечью, угрожая поразить сумасшедшую парочку, но вдруг зависли на месте и понеслись назад, к эпицентру взрыва. Туда, откуда, не торопясь, вышла зловещая чёрная фигура с каменным лицом.

В тот жуткий миг он впервые услышал её голос:

– Приказ: тотальная аннигиляция на квантовом уровне.

Правая рука агента указывала на девушку, мечущуюся у переключателей. Можно было ожидать чего угодно, но только не того, что обломки, осколки, жестианки и прочий металлический мусор вдруг будут, словно к магниту, притягиваться к предплечью женщины, скрывая кисть и пальцы и тем самым формируя остов странного агрегата.

Приборные панели заискрили. Сенсоры лопались и падали на пол обугленными, вздувающимися фрагментами. Из-под них, покидая зияющие проёмы, выползали, будто черви, порванные провода. За ними взлетали под потолок печатные платы, усыпанные микрочипами и комично вращающимися вентиляторами. Там, на высоте, они словно ждали своего часа. Колыхались, как водоросли на волнах, чтобы затем рухнуть вниз и, разбрызгивая расплавленное олово, объединиться в единую схему.

Девочка, окружённая дрейфующими в пустоте деталями, кидалась то к одному экрану, то к другому. Но до того как она успевала ввести команды, стёкла взрывались, изрыгая поток транзисторов, диодов, резисторов, ламп, реле, операционных усилителей и микросхем.

Видя, что выстрелы не приносят твари вреда, парень стал стрелять по разрастающемуся аппарату. Но на смену пробитым частям приходили десятки новых, закрывающих брешь и проводящих электричество по ещё более изошрённым путям. Лишь одного взгляда агента хватило, чтобы бластер вырвался из руки, чуть не оторвав школьнику пальцы.

Трубы системы охлаждения изогнулись, надломились и выскользнули из раскуроченных дыр в потолке. Одни обдавали экраны раскалённым паром, а другие – ледяным дыханием жидкого азота. Продолжая поливать пол конденсатом, они приваривались к остову и становились стволами жуткого, громоздкого орудия.

– Ты меня любишь?! – неожиданно крикнула школьница. – Пожалуйста, скажи, что ты меня любишь!

– Я люблю тебя! – отозвался он и с удивлением понял, что это правда.

– Тогда спаси меня! Заслони меня своим телом! Скорее!

Он с трудом понимал, каким чувством руководился сильнее: влечением к своей однокласснице или ненавистью к всемогущей убийце. Возможно, его просто ослепило отчаянье загнанной в угол жертвы, но он, не задумываясь, встал между ними, расставив руки. А через миг пришёл в себя на другом конце зала, пролетев десять метров и рухнув на металлический пол. Конечности его не слушались и, кажется, был сломан позвоночник. Слипающимися от сонливости глазами он наблюдал, как завершаются последние штрихи демонической пушки, как стволы наливаются пламенем и приходят в движение. Как, окружённая взорванными сенсорами, не видя иного выхода, девушка разрезает свою руку и выуживает из раны зашитый под кожу провод. Глаза её закатываются, но из последних сил она подключает шнур к разъёму и падает на колени.

Комнату озаряет пламя, а за окнами неожиданно резко начинают приближаться звёзды. Залитый жарким испепеляющим заревом холл пуль уносится к «чёрной дыре»...

«Пожалуйста, скажи, что ты меня любишь...»

«Приказ: тотальная аннигиляция на квантовом уровне».

... Глаза открылись, но не узнали прежнего мира. Сон? Вряд ли. Рай? Что-то не видно крыльев за спиной. Хотя место, где он находился, было похоже и на то, и на другое. Словно Ханаанские земли, которые было суждено увидеть Моисею лишь на заре своей жизни с вершины Фасги.

Казалось, секунду назад он лежал на земле, искалеченный и обессиленный, а теперь стоит на своих ногах рядом с удивлённой подругой. Обернувшись, парень увидел и женщину в чёрном костюме.

– Ты убила их, – процедил он.

– Я выполняла приказ, – ответила агент «Пси-корпуса» с улыбкой доброй учительницы.

– А почему не прикончила нас?

– Операция завершилась провалом. Девчонка воплотила в жизнь план своего брата и отправила «Опору Звёздной Плотины» напрямик к ядру Млечного Пути. Она хотела уничтожить этим искусственный компьютерный разум, который управляет человечеством. Но результат оказался прямо противоположным.

– Не понимаю!

– Вспомни курс по информатике. Что ещё делают при ускорении процессора, когда хотят «разогнать» его?

– Повышают вольтаж?

– Правильно. Когда девочка отправила всех нас в сердце квазара, «Плотина» выработала огромный запас энергии. Но вместо того, чтобы сгореть, компьютер прошёл тысячелетнюю эволюцию всего за две секунды. Всё что нас окружает – плоды его мудрости. Он преобразил наш мир и спас наши жизни. Поэтому моя миссия закончена. Больше я вам не враг. Удачи и до свидания!

Развернувшись, она пошла прочь – по зелёному полю к изогнутой линии горизонта.

Девушка, ранее стоявшая без движения, произнесла механическим голосом:

– Всё пошло наперекосяк. Но твоей вины тут нет. Спасибо, что помог. И прощай.

Она засунула дуло бластера себе в рот и спустила курок. Но рой миниатюрных металлических пчёл уже развел батарею, продолжая поглощать остальную часть оружия, как жуки-короеды. Школьница с отвращением бросила сломанный пистолет в блестящую от росы траву и увидела, что такие же железные мошки копошатся в ране на её левой руке. Она принялась смахивать их пальцами, но было уже поздно: стайка роботов полностью заживила рану и удалила провод, который затерялся в яркой зелени безбрежного луга. Повинуясь неумному порыву, парень обнял одноклассницу и, боясь шелохнуться, принялся вслушиваться в её тихие всхлипы.

А сверху, вместо одинокого Солнца, планету озаряли миллиарды ярких, искрящихся звёзд.

Родственные души

Mike_The

Конкурс-семинар «Креатив»

Расписавшись в получении, известный литературный критик Иоганн Шмельсен торопливо захлопнул дверь своего загородного особняка. Навязчивая идея о слежке уже который день не давала покоя и, настороженно вслушиваясь в сгущающуюся тишину, он принялся распечатывать посылку.

Будь это обычная доставка какого-нибудь бытового прибора, пиццы или костюма из чистки, Шмельсен бы довёл курьера до изнеможения, проверяя, всё ли на своих местах, и не запряталось ли пятнышко под кружевным отворотом. Но сегодня был особый случай, попадающий в категорию сверхсекретных и «лично в руки», так что лишние глаза при вскрытии долгожданного ящика были без надобности.

Разорвав лощёную упаковку и отплёвываясь от пенопластовой крошки, Иоганн торжественно извлёк на свет божий небольшую чёрную коробочку, слегка поблёскивавшую металлическими боками.

– Ну, здравствуй, братишка, – по-заговорщицки тихо прошептал он, и суеящийся взгляд нетерпеливо забегал в поисках свободной розетки.

Здесь стоит ненадолго притормозить, и пока вы ещё не успели приписать нашему герою какое-нибудь двусмысленное помешательство, пояснить суть вещей. Дело в том, что около полугода назад Шмельсен окончательно разочаровался не только в писателях, но и во всех окружающих его людях. Отчаянно понося всех и вся, он начинал искать лишь уединения и мог бы окончательно замкнуться в себе, если бы не случайное рекламное объявление, предлагавшее изготовить «самого лучшего на свете друга – вашу абсолютную копию».

Пожалуй, это было именно то, о чем Иоганн мечтал всю свою сознательную жизнь. Окружённый невеждами, он день за днём боролся за чистоту языка, но не находил понимания. Доказывал очевидные истины, но упирался в непролазную тупость. Отстаивал абсолютные ценности... До тех пор, пока все не отвернулись от знаменитого критика.

Даже его собственный сын, обладавший неплохими задатками писателя, оказался настолько упёртым, что не мог признать очевидной отцовской правоты и покинул родной дом. Так зачем же всё это? Ведь в сущности разве может человек найти более преданного единомышленника, чем он сам?

Рассуждая подобным образом, Шмельсен решился на телефонный звонок... чтобы уже через день окунуться в океан бесконечных обследований и головоломных тестов, необходимых для выявления и последующего воссоздания его уникальной сущности. Забегали учёные, застрекотали компьютеры. С раннего утра и до поздней ночи разномастные задачки дурманили и без того воспалённый мозг. Но с каждым днём, проведённым в лаборатории, Иоганн Шмельсен приближал свою встречу с таким родным и всё понимающим Иоганном Шмельсеном.

– Сейчас, братишка, сейчас мы с тобой познакомимся, – бормотал критик, просматривая руководство. Он понятия не имел, чего ожидать от нового «друга», но непроизвольно готовился к какому-то чуду.

Щёлкнул тумблер, огоньки вспыхнули и погасли, внутри агрегата что-то хрюкнуло и равномерное гудение наполнило кабинет.

Инструкция предусматривала несколько вариантов тестовой проверки на соответствие оригиналу. Самый простой предполагал беседу в стиле вопрос-ответ, дабы заказчик мог сопоставить предпочтения двойника со своими собственными.

Отдельно был предусмотрен «режим принудительного ответа» на случай, если заказчик сам по себе окажется несловоохотливым, и машина, унаследовавшая его характер, задумает поиграть в молчанку. Активированный на несколько первых дней, он был призван способствовать скорейшему установлению взаимопонимания.

– Как же тебя зовут? – осторожно спросил Иоганн, когда лампочки перестали подмигивать.

– Иоганн Шмельсен, – холодно пробасила машина.

– Сколько тебе лет?

– Пятьдесят семь.

– Что ты предпочитаешь на завтрак?

– На завтрак я предпочитаю проваляться до обеда, потягивая янтарный коньячок и закусывая пение птиц терпкой долькой лимона.

– Да! Именно терпкой и именно долькой, – радостно хлопнув в ладоши, запрыгал настоящий Шмельсен. Воодушевлённый первым успехом, он решил перейти к вопросам с подвохом:

– Скажи, а что ты думаешь о творчестве Шейкспира?

– Шейкспира? – переспросила машина. – Только невежда может коверкать имя величайшего английского драматурга.

– А как звали его супругу?

– Энн Хатауэй.

– И были дети?

– Трое.

– А их как звали?

– Понятия не имею. Чего пристал?

Иоганн до последнего опасался, что вместо настоящего клона разработчики подsunут хорошо замаскированный, но совершенно обычный компьютер, а тут... Он и сам понятия не имел, как звали шекспировских деток, и двойник демонстрировал аналогичные знания.

Попискивая от восторга, Шмельсен театрально закатил глаза и повалился в кресло. Теперь-то у него будет настоящий единомышленник.

– И всё ж она уступит тем едва ли, кого в сравнениях пышных оболгали, – продекламировал он, раскуривая трубку. – Прекрасно, мой друг, не правда ли?

– Но всё равно могло бы быть и лучше, – фыркнула коробочка, меняя тональность.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился критик. – Если мне что-то нравится, то оно должно нравиться и тебе. Так? Отвечай давай, какое у тебя мнение по поводу шекспировских сонетов?

– У меня-то единственно верное, а вот ты, жалкое ничтожество, можешь засунуть в задницу все свои по определению ошибочные суждения! – проскрежетала машина, подмигнув красной лампочкой. Теперь в её голосе явственно читался многолетний опыт литературного палача.

Шура Опейка

Курильский

Альманах «Фантаскоп»

Колька, опершись о подоконник, смотрел на бухту. Вода была синей и гладкой, в ней отражался вулкан, сопки, и рыбацкие сейнеры на рейде.

Мимо них затаенно скользила подлодка, длинная и черная, с закругленной, похожей на плавник рубкой и узким изогнутым хвостом на корме.

Интересно, когда с рейса придет отец?

Его пароход с красивым названием «Алайд» даст длинный гудок, здороваясь со всем рыбацким поселком, и пришвартуется к причалу, отец сойдет по трапу, а там уже они с мамой стоят, такой красивой и нарядной, с цветами, и народу кругом, и все что-то кричат, и улыбаются.

В прошлый раз отец привез живого краба. Это был камчатский краб, коричневый, огромный, не то, что волосатики или стригуны, которые попадались в ловушки под причалом.

Краб ползал по двору их дома и угрожающе шевелил своими клешнями, одна, самая большая, была с Колькин кулак, и Колька все боялся, что этой клешней тот оттяпает ему палец.

Через час изо рта краба пошла пена, очень похожая на мыльную, он залез под куст смородины и умер.

Колька хотел его там и похоронить, но отец сказал, что краба он принес совсем не для этого, отрубил топором ему лапы и сварил в их кастрюле. Потом он с хрустом разрезал лапы ножницами, доставая из них розово-белое мясо, и подсовывал Кольке самые аппетитные куски.

А останки с торчащими культями Колька все же похоронил, только не под кустом, а в подвале.

Несколько дней к Кольке шли знакомые с его улицы, а потом с дальних улиц, и всех он возил на могилу краба, и разводил руками, показывая, какой он был огромный, и все с уважением смотрели на бугорок за бетонным порогом, и спрашивали, а может такой краб перекусить железную трубу от водопровода, и хотя Кольке в этом не хотелось сознаваться, он честно говорил, что трубу не может, а вот палец откусить – запросто.

Пришел даже Шура Опейка, местный дурачок.

Шура остановился у входа в подвал, заглянул внутрь и промычал:

– Краб? Где?

Колька, отчетливо и громко выговаривая слова, показал пальцем:

– Умер краб. Вот здесь могила!

Шура кивнул, и, вытащив из кармана своих солдатских галифе пригоршню сухо позвякивающих раковин от мидий, выбрал одну, и затолкал ее в грязь, будто посадил в огороде семя какого-то странного растения.

Закончив, он обтряс ладони одна о другую и сообщил:

– Теперь хорошо! Кладбище!

Протянув Кольке кедрачовую шишку, он гортанно гыкнул и ушел, по-кавалерийски косолапо ступая кирзовыми сапогами сорок шестого размера.

Шура Опейка был в их поселке человеком известным, про которого взрослые говорили – вот не будешь учиться, станешь таким же, и обязательно изображали при этом Шуру:

– Покупайте фыфки! Пять фыфек – три опейки, десять фыфек – пять опеек!

У Шуры были толстые мокрые губы, и когда он говорил, слова вылетали вперемежку с брызгами, а его вывороченные в разные стороны глаза жили сами по себе, рассматривая то ли парящих в небе чаек, то ли еще что-то выше, за облаками.

Шура обычно торчал на крохотном поселковом рыночке, возле перевернутого дощатого ящика с разложенными на нем гроздьями шишек, похожими на пятерни каких-то лесных чудищ, и монотонно повторял свое бесконечное:

– Покупайте фыфки! Пять фыфек – три опейки, десять фыфек – пять опеек!

Длинный и сутулый, в кирзачах со стоптанными набок каблуками, он всегда был одет одинаково – линиялые галифе, подпоясанные бельевой веревкой, и драный пиджак, под которым пузырилась солдатская нательная рубаха.

И еще армейская фуражка защитного цвета, выгоревшая от солнца и державшаяся только на его огромных, будто ошпаренных кипятком красных ушах. Обруч из фуражки был вынут, и тулья превратилась в какой-то высохший капустный лист, грустно свисающий на оттопыренные Шуркины уши.

Но стоял он на рынке не только для того, чтобы продавать свои шишки, их почти и не покупали, ведь стоило лишь пройти за две улицы, и там, на сопке начинались такие заросли кедрача, в которых шишек этих было, хоть завались.

Нет, у Шуры Опейки было кое-что свое, чем мог заниматься лишь он один во всем поселке.

Потому что только у Шуры был дар – он мог угадывать, хотя угадыванием это даже и не назовешь, он просто знал, и все. Никто не мог этого понять, и тем более, объяснить, все просто привыкли к этому, и даже не удивлялись, когда это происходило вновь и вновь, как не удивляются дождю или восходу солнца – это было естественно, и ни в каких объяснениях не нуждалось.

Обычно возле Шуры толклась парочка пацанов, Костян и Пашка, по – прозвищу Крокодил Гена, они и помогали ему в этом деле, не бесплатно, а за свою долю, конечно.

Происходило это обычно так. Углядев бегущего с авоськой в магазин мальчишку, они окликали его и предлагали:

– Слышь, пацанчик! Десь копеек есть?

– Ну, есть...

– А хочешь, чтобы не десять, а двадцать было?

– Ну, хочу!

– Тогда клади свой десюнчик на руку орлом вверх. Если Шура не угадает, какого он года, тогда ты выиграл, и мы тебе платим, а если угадает, то мы десюн твой забираем. Согласен?

И, хотя все знали, чем это кончится, многие почему-то соглашались. Наверное, надеялись на чудо.

Но чуда не происходило, вернее оно было в том, что Шура никогда не ошибался.

Он смотрел на монету всего несколько мгновений, и называл год. Именно тот, в котором монету отчеканили.

Если не оказывалось десятикопеечной монеты, он не брезговал и пятачком, да даже и копейкой. Говорят, Шуру потому так и прозвали – Опейкой.

Иногда и взрослые пытались выиграть у Шуры деньги, они специально меняли серебро на медяки, чтобы угадывать приходилось много и часто, и было легче ошибиться, но уже через несколько минут отходили в сторону, и лица у них были такие же, как у проигравших малолеток – растерянные и недовольные.

Однажды на глазах у Кольки заезжий дядька проиграл целый рубль, он все вытягивал из кармана то копейку, то две, где уж он их насобирает, непонятно, и до самого конца все никак не мог поверить, что Шура не ошибется.

Отдав последнюю копейку, он пошарил по карманам, но ничего не найдя, обвел азартным взглядом галдящий рынок и сбежавшихся на зрелище пацанов, нервно засмеялся и сказал непонятно:

– Ну, елочки пушистые!..

Колька отошел от окна. Часы на стене показывали четверть десятого, тикая по-утреннему неторопливо, как бывает только летом, в самой середине каникул, когда желание с утра до вечера бегать по улице схлынуло, и уже хочется заняться чем-то другим, более интересным, вот только чем – непонятно.

Колька подошел к столу и вслух прочитал записку на тетрадном листе:

«Коля, на кухне омлет и молоко, на обед разогрей борщ. Мама.»

Сходить на бухту, насобирать раков-отшельников под камнями? Пойти во двор пострелять из лука? Или найти у гаражей старый аккумулятор, разбить его и отлить грузило?

Посмотреть бы телевизор, только его у них нет, да и на всю улицу их всего несколько штук. Вот вернется отец из рейса, может, тогда и купит.

Хотя соседский телевизор все равно показывает с шести вечера и только областную программу.

Сначала идут местные новости, потом какие-нибудь документальные фильмы о покорении севера, или про то, как выплавляют сталь, и еще спектакли из городского театра, где актеры так важно и так смешно разговаривают друг с другом, и уж после всего этого всего один-единственный мультфильм для детей.

В самом конце начинается художественный фильм, но Кольку в это время всегда отправляют спать.

Вот в их клубе мультики показывают целый час, но только по воскресеньям.

Сегодня вторник, значит, надо ждать еще почти всю неделю.

А омлет этот он есть не будет. Надо скормить его дырке в заборе, там их уже много валяется. Неужели мама не понимает, что омлет – это так невкусно?

В коридоре загрохотало, и в комнату ворвался Женька Тачкин, с которым в школе он сидел за одной партой.

– Колька, побежали, там, у магазина очередь, наверное, мороженое привезли!

Женька был маленьким и толстым, в синих шортах с ляжками, перекрещенными на груди, за которые его дразнили Карлсоном, но Женьке это даже нравилось.

– Я самый лучший в мире Карлсон! – орал он на всю улицу, тыкал пальцем в воображаемую кнопку на животе и, зажужжав, раскидывал в стороны руки, изображая полет.

Сейчас Женька никого не изображал, он тяжело дышал и нетерпеливо смотрел на Кольку:

– Ну, чего стоишь? Глухой, что ли?

– Мороженое?

– Да, мороженое, погнались быстрее, а то все разберут, пока ты тут соображаешь!

Мороженое в их поселке было редкостью. Совсем недавно на молокозаводе начали делать пломбир, помалу и нерегулярно, двенадцать копеек за пачку в бумажной обертке с бегущими по тундре оленями. Обертка была белая, а тундра и олени синие.

Мороженое шло нарасхват, и разбирали его влет, за час, а то и быстрее.

От дома до магазина десять минут ходьбы, но гораздо интереснее было из всех сил бежать вниз по склону, когда кажется – еще немного, и ты оттолкнешься от кромки обрыва и взлетишь над сверкающей синевой бухты.

Но до обрыва Колька не добегал, высота была страшная, даже от мимолетного взгляда вниз сосало под ложечкой.

Возле продмага – трехэтажного жилого дома из почерневшего от времени бруса замерла очередь. Она тревожно гудела, как обычно гудит длинная очередь у поселкового магазина, когда открытие задерживается слишком долго.

– Баб Валь, мороженое привезли, не знаете? – спросил Колька.

– Ишь, ты, мороженое ему! Огурцы маринованные будут давать, болгарские, а он – мороженое. Очередь на час, не меньше. Не достоятесь ведь, шли бы отсюда, не путались под ногами.

– Достоймся! – сказал Женька, – подумаешь, час. Я за черешневым компотом еще дольше стоял, зато три ящика дали, маме, сестренке и мне.

Колька и Женька сидели на лавочке за углом магазина, напротив входа в клуб.

– Ну, как мороженое? – спросил Женька, облизывая край обертки.

– Нормальное. Но эскимо лучше. Я на ВДНХ когда был...

– Знаю, знаю, – перебил Женька. – Ты его там килограмм целый съел, и у тебя заболело горло.

– Что, думаешь, вру? – обиженно спросил Колька.

– Может, и врешь. Стала бы тебе мать целый килограмм покупать.

– Да ты у нее сам спроси, если мне не веришь! Ну, может не килограмм, а полкило точно.

– Полкило! Полкило, это другое дело. Говорят, когда гланды вырезают, тоже полкило мороженого дают.

– Фигня, – убежденно ответил Колька. – Зинке вырезали недавно, ну, Каблуковой, которая в город переехала... Ничего ей не давали, в горло шприцом укололи, и все.

– Да не у нас дают, а в Москве.

– Ну, в Москве. В Москве конечно дают. Там этого мороженого знаешь, сколько!

– Гляди, автобус! – вдруг сказал Колька.

– Что я, автобусов не видал?

– Это тот, в котором мультики показывают. Помнишь, в начале лета приезжал?

Колька посмотрел на недоеденный пломбир и вздохнул.

– И зачем мы это мороженое покупали? Знали бы, что автобус приедет, лучше бы билеты купили.

– Кто ж знал?

– Кто ж знал... – передразнил Колька. – А все ты! Прибежал, разорался – давай быстрее, пока все не расхватали! Вот тебе и быстрее. Ладно, пошли хоть на автобус посмотрим, раз на билеты денег нет. Может, он и показывать ничего не будет, просто так заехал.

Тупомордый ЛИАЗ вырулил на площадку перед магазином, и остановился у ржавой трансформаторной будки.

Сверкающий, словно жар-птица, автобус манил в свое загадочное нутро. Стекла были покрашены картинками из мультфильмов – Незнайка в синей шляпе с огромными полями, перепуганный бегемот, провалившийся в болото, улыбающийся Емеля на печи, Буратино с золотым ключиком в руках, Самоделкин на крошечной гоночной машине, и смеющийся Чипполино рядом с обозленным сеньором Помидором.

Водитель вылез из кабины и захлопнул за собой дверь. Он достал пачку «Казбека», прикурил и с наслаждением затянулся.

Колька посмотрел в его усталое лицо, и ему сразу стало ясно, что крутить баранку такого автобуса – дело нелегкое.

– Дяденька, сколько билет стоит?

– Десять копеек, как обычно.

– А когда будете мультики показывать?

– Скоро. Как зрители соберутся, сразу и начнем.

Слух об автобусе промчался по поселку быстрее, чем Юрка-гонщик на своем спортивном велике, и через десять минут вокруг уже собралась толпа.

Водитель, он же киномеханик, он же и билетер, пропускал в салон счастливых, оказавшихся ближе к двери, выдавая каждому по билету.

Потом он залез в свою кабину, задернул ее черными плотными шторами, и запустил киноаппарат.

– Вот если бы я был киномехаником, я бы сто раз смотрел, и мне не надоело, – сказал Женька.

К автобусу подошел Шура Опейка, а за ним, как всегда, Костян и Пашка.

Шура заворожено слушал обрывки мелодий, верещанье мультяшек и смех зрителей за дверями, а Костян и Пашка внимательно разглядывали сбившуюся в стайку очередь.

– Эй, пацанчик, – наконец определился Костян. – Хочешь два раза мультики посмотреть?

– У меня всего десять копеек.

– А ты выиграй. Будет двадцать.

– Как же, у вас выиграешь.

– Чудак человек, да все по-честному. Ты нам монету в руки даже не дашь, издалека покажешь, и все. Шура и ошибиться может.

– Когда это он ошибался?

– Ошибался. Недавно сорок копеек проиграл. Пашка, скажи!

– Проиграл, факт. Он вообще часто стал проигрывать. Скоро, наверное, вообще перестанет играть. Он у меня уже в долг брал. Ну, че, слабо сыграть?

– Кому слабо?

– Тебе.

– Мне слабо?

– Конечно тебе, кому же еще.

– Эй, парни, хватит мальчишку на слабо брать, – подошел к ним водитель, вылезший из кабины покурить.

– Он пришел мультики посмотреть, а вы у него деньги вымогаете. Нехорошо это.

– Кто это вымогает? Ты, дядя, чего? Угадал – получил, не угадал – значит, не повезло. Никакого жульничества. Все по-честному.

– По-честному? – покачал головой водитель.

– Честность и игры на деньги вместе не водятся. Либо первое, либо второе.

– Может, ты и доказать можешь, что мы дурим? И объяснить, как мы это делаем? – переглянулись Пашка и Костян. – Тогда сыграй с нами. Докажи.

– Ладно, – вдруг согласился тот. – И как вы играете?

– Да очень просто. Шура будет угадывать, какого года у тебя монета. В руки ты ее нам не даешь. Решкой не показываешь. Вот такая игра!

Водитель достал десять копеек и положил ее на ладонь.

Колька стоял рядом и зачарованно вглядывался в блестящий на солнце герб с колосьями пшеницы и крохотным земным шаром.

Ему было жалко доброго дядьку-киномеханика, заступившегося за совершенно незнакомому пацана, но он знал, что выиграть у Шуры не может никто.

Шура Опейка задумался, шевеля губами, и глухо пробормотал:

– Шестьдесят первый.

Водитель перевернул монету и насмешливо посмотрел на Костяна.

– Шестьдесят пятый. Вы проиграли. Платите.

Шура Опейка что-то промычал, Костян, не веря глазам, вытаращился на монету, а потом заорал:

– Мухлюешь, мужик! Ты монету подменил, Шура никогда не ошибается.

– Никогда не ошибается только Бог. Хотя, наверное, и у него это случается. Платите, ребята.

- Давай еще раз. Теперь ты нас не обдуришь.
- Вы сначала свой проигрыш отдайте.
- Да вот, забирай. А деньги у нас есть, не волнуйся. Играем!
- Ну что ж, играем, так играем.

Когда они спустили все подчистую, Шура что-то замычал, и схватил водителя за грудки. Тот оттолкнул его и спокойно сказал:

– Парни, когда вам проигрывают, все по-честному? Ну, так и сейчас все по-честному. Успокойтесь, и идите домой.

– Слушай, мужик, я не знаю, как ты это сделал, но лучше верни деньги. Ты их не мог выиграть! Облапошил нас дуриком, а мы этого не заметили. Вот Шура играет без обмана, просто он знает, и все тут. А ты не можешь знать, значит, ты нас просто наколот.

– Идите отсюда, парни. И не играйте больше в эту игру, мой вам совет, все равно добром это не кончится.

– Да пошел ты со своими советами! Не вернешь деньги? Ну, тогда пеняй на себя!

Костян и Пашка отозвали из толпы пятерых пацанов. Колька их знал, все они учились в его школе, в шестом классе.

Парни пошептались, и разбежались в разные стороны.

Первым вернулся Витька Лебедев с отцом.

– Вот он, – канючил Витька, семена впереди, – это он нас в деньги обыграл, последние десять копеек забрал, как мы теперь билеты купим?

Отец Витьки работал в порту такелажником, и в поселке у него было прозвище Мишка-грузчик.

- Слышь, гражданин, деньги верни моему сыну, совесть поимей, с детьми связываться!
- С какими детьми? – удивился водитель. – Я у вашего сына ничего не брал.
- Брал он, брал! Выиграл у меня, выдурил мои деньги! И у остальных тоже!
- Зачем же ты обманываешь? Я ведь к тебе даже не подходил.

– А к кому подходил? – спросила Петькина мать, продавщица из школьного буфета, тоже прибежавшая заступиться за любимого сыночка.

– К нам – сказал Костян, – сначала он у нас все деньги выиграл, а потом у них. И нам тоже пусть все вернет!

– Гражданин, верни детям деньги, я тебя очень прошу – нервно сказал Витькин отец, и повел плечами, – а то ведь и нарваться можно.

– Нарваться? На что?

– Да на неприятности, на что же еще, – тот показал квадратный костлявый кулак. – А такой неприятности, как эта, можно и не пережить. Стоит ли рисковать?

– Понятно. Я вам еще раз говорю, что никаких денег я не брал, и не выигрывал. По крайней мере, у ваших детей.

– Ага. А у Шуры Опейки, значит, выиграл?

– Может быть. И какое это имеет значение?

– Хватит изворачиваться! – заорала Петькина мать. – Стоит тут, культурным прикидывается, а сам у детей деньги отбирает! Я сейчас весь поселок соберу, мы тебе такое устроим, что дорогу сюда забудешь, крохобор! Верни деньги!

Водитель обвел взглядом собравшихся и вздохнул.

– Ну, что же. Тогда давайте решим так. Я бесплатно покажу вашим детям мультфильмы, а в виде извинения за то, что я... выиграл у них деньги, сеанс будет только для них. Сколько вас всего? Пятеро? Ну, и вас трое, – кивнул он Шуру, Костяну и Пашке.

– Э, а нам ты больше должен!

– Хорошо, – кивнул водитель. – Сразу после сеанса и рассчитаемся.

Когда из салона вышли все зрители, он улыбнулся:

– Ну, занимайте места. Милости прошу!

Последними входили Пашка и Костян.

Шура Опейка поднялся на нижнюю ступеньку, и вдруг спрыгнул на землю и попятился.

– Шура, заходи, – позвал Пашка, но Шура замычал, и отошел к трансформаторной будке.

– Шура, ты чего? – спросил Костян.

– Ладно, не хочет, не надо! – ответил за Шуру Пашка.

– Все зашли? – крикнул из своей кабины водитель.

– Все! – заорали из салона. – Крути кино, кинщик!

Когда сеанс закончился, и в салоне стало совсем тихо, двери автобуса почему-то не открылись.

Толпа начала шуметь сначала приглушенно, а потом все громче и громче.

– Пойдем, в кабину постучим, – подтолкнул Колька Женьку в бок.

– Может, он там уснул?

Они постучали в дверь, но никто не отозвался.

Колька вскарабкался на подножку.

– Поддержи меня, попробую открыть.

Он открыл водительскую дверь, и заглянул внутрь.

Там, на высокой подставке, стоял киноаппарат. Луч света вырывался из объектива, исчеза в квадратном окошке, торопливо крутилась перемотанная бобина, хлестко щелкая концом пленки.

Кабина была пуста.

– Тут никого нет!

Первым прибежал Мишка-грузчик. Он залез в кабину, и открыл оттуда дверь салона.

Толпа ворвалась в автобус и тут же в страхе подалась назад.

В салоне было пусто.

– Куда он дел моего сына? – закричала Петькина мать. – Верните моего ребенка!

– Это не автобус! – заорал кто-то, – это западня для похищения людей!

– Полицию! Скорее вызывайте полицию!

Когда приехал милицейский газик, весь поселок собрался возле автобуса, окружив его плотным кольцом.

Из машины вылез Сан Саныч, начальник отдела милиции поселка, и старшина Стаценко. Они протиснулись сквозь толпу, и обшарили автобус вдоль и поперек, а старшина Стаценко даже пролез под ним, но так никого и не обнаружил.

Тогда они начали опрос свидетелей. Ответы сводились к одному и тому же:

– Сначала они всемером зашли в салон, водитель прошел в кабину, закрыл двери и начал показывать мультики. А когда мультики закончились, в автобусе никого не было.

Последним, к кому подошел Сан Саныч, был Шура Опейка, стоящий возле своего ящика с шишками.

– Ну, а ты что можешь сказать по этому делу?

Шура, глядя по своему обыкновению на ползущие над поселком облака, молчал.

Старшина Стаценко схватил его за подбородок:

– Тебя спрашивают!

– Дяденьки! Купите фыфки! Пять фыфек – три опейки, десять фыфек – пять опеек!

На следующий день Колька сидел на скамейке во дворе и снимал перочинным ножом кору с ивовой ветки. Он делал стрелу для лука.

Мать строго-настрого запретила ему выходить со двора.

Весь поселок был напуган вчерашним исчезновением детей, найти которых никто уже не надеялся, да и искать их было негде, разве что в оставшемся стоять у магазина автобусе, возле которого выставили милицейский пост.

Сзади захрустел гравий.

Кто-то шел по тропинке.

Колька обернулся, и увидел красные уши Шуры Опейки, взгляд почему-то всегда сначала цеплялся за них, а потом уже за самого Шурку.

– Тебе чего?

– Кладбище, – промычал Шура.

– Какое кладбище?

– В подвале. Надо на кладбище.

– Зачем? – оторопев, спросил Колька.

– Чтобы похоронить. Пошли.

Шура Опейка вытащил из кармана пригоршню раковин, шевеля мокрыми губами, отсчитал семь штук. Немного подумав, он добавил еще одну, восьмую, а остальные, широко размахнувшись, выбросил на дорогу.

Войдя в подвал, Шура Опейка встал на колени, закопал раковины в землю, и нагреб над ними маленькие холмики.

Через неделю Шуру Опейку нашли на берегу бухты. Он лежал на спине, весь какой-то скомканный и изломанный после падения с обрыва, с пробитой головой, и его мертвые окровавленные глаза, казалось, все еще рассматривают то ли парящих в небе чаек, то ли еще что-то выше, за облаками.

Рядом с ним валялась смятая фуражка, в которую кто-то бросил пригоршню медных монет.

Инкубатор

Валентин Гусаченко, Владимир Ермаков

Проект «ПослеСЛовие...»

17 февраля, 1600 год, четверг, полдень

Впервые в жизни он не боялся. Не боялся боли, не боялся криков и проклятий, не боялся будущего. Да и к прошлому, чего скрывать, относился без должного уважения – безответное «вчера» на поверку оказалось стервозной, капризной сукой в бархатной мантии. Шесть лет остались позади, и теперь он точно знал, что роковой час совсем близок. Ведь яркий шарик, на который он уставился, вскарабкался высоко в зенит, нарочно сворачивая шею. Раскрасневшееся светило уже с удовольствием поджигало небосвод огненными стрелами. И очень скоро почти такие же языки коснутся его голых стоп.

Филиппо совершенно не знал молитв и не признавал чужих богов, кроме пяти элементов, которые, как ему казалось, выстраивали всё Мироздание. Через пару минут он познакомится с одним из них, самым жарким и самым необузданным. А затем его прах развеет другой элемент, свободнее которого нет в природе.

Ветер, взъерошив волосы на макушке, нетерпеливо свистнул над ухом.

Но он молился. Молился, как мог. Совсем не об искуплении грехов или спасении растоптанной души. Напротив. Его просьбы были о скорейшей смерти, ибо лишь она одна даровала победу над ненавистной Церковью. Древние записи не ввали, и Платон действительно подошёл очень близко, а после него многие другие. Но у афинского старика не было того, что появилось на свет три с половиной века спустя вместе с юным пророком. Филиппо же смог найти это. Найти и надёжно спрятать там, где последователи Креста никогда не подумают искать. Именно поэтому лишь смерть станет надёжной печатью его устам.

Римская площадь Цветов ждала.

В тот момент, когда дух философа вознёсся над толпой, и сгоревшая плоть горьким пеплом поднялась в воздух, Папе Клименту VIII ничтожным опозданием принесли тайное послание. Буквально через секунды челюсть и морщинистые папские кулачки сжались с такой мощностью, какой нельзя было ожидать от хрупкого святоши. Величайшая реликвия христианской Церкви была утрачена навсегда. Ведь единственный, кто мог знать о ней, только что отдал душу Богу.

16 февраля, 2279 год, воскресенье, утро

Джакопо Ламбертини которое утро подряд просыпался раньше, чем небесный диск являл свой огненный лик из-за горизонта, и подолгу размышлял до самого рассвета. Тем не менее, с балкона папских покоев – одних из множества в огромном дворце – приютивших старца на минувшую ночь, этого нельзя было видеть. Однако, лёжа на необъятной кровати, Отец Римской католической Церкви точно знал: символ побеждённых почти две тысячи лет назад на первом Никейском Соборе язычников, забытый, втоптаный в пыль веков, всё равно взойдёт. Символ, добраться до которого казалось нереальным. Космический объект, исследовать который было просто невозможно. Когда-то невозможно. Но мельница времени всё смалывает в мелкую крошку прошлого, в муку.

Последние несколько веков Ватикан был в числе первых, кто получал важнейшие новости, сорвавшиеся с людских уст в любом из уголков света. Именно сюда прилетела первая весточка о поступи эпидемии смертоносного змеино-гриппа, переплюнувшего бубонную чуму, в две тысячи тридцать шестом. Именно здесь хранились первые экземпляры органических процессоров. Именно духовенство Ватикана стало хранителем тайны существования

новых источников неисчерпаемой энергии вакуума, которые должны были прийти на смену устаревшим ионным и фотонным двигателям и полностью переписать современную политическую карту мира.

Представители красных ряс – посредники между людьми и Богом – не брезговали пользоваться плодами работы высоколобых мужей. Изобретения, к которым обыватель и по сей день относился скептически, стали настоящим сокровищем в святых руках. Ментальный интернет, прототипы квантовых телепортов малых дистанций, гиперстволовые клетки – любопытный набор, крепко смешанный с догмами, лишь усилил позиции пастырей Божьих на мировой арене, сделав их сердцевиной, святыми судьями между Севером, Востоком, Югом и Западом. Мир изменился, не правда ли?

Наконец черёд дошёл и до того, что могло стать мечтой всех военных подразделений радикально настроенного Северного Альянса: объединения Прибалтики и осколков давным-давно распавшейся России. То, что хотел бы видеть любой солдат в самом сладком сне, явившемся в ночь перед штурмом враждебных земель. То, что дарует почти абсолютную неуязвимость, позволит спуститься на дно океана из жидкого азота или искупаться в плазме.

Папа Климент XVIII обернулся в свою утреннюю мантию с рубиновым подбоем – для дзимарры было ещё слишком рано – и по-старчески пожевал челюстью, противно плямкая. Мгновение спустя белоснежная недобрая улыбка исказила лицо – ощерился, словно хитрый лис, а вокруг глаз собрались едва заметные морщинки. И хотя гладкости его кожи мог бы позавидовать тридцатилетний мужчина, не имеющий возможности прибегнуть к современной чудодейственной медицине, всё же рыхлые движения и пластилиновая мимика выдавали глубокого старика. Жадного до власти старика.

Святой отец прокашлялся и прокричал:

– Туроп!

Голос понтифика сорвался и оттого ужасно напомнил женский. Писклявый, тонкий, высокий. Технологий полноценно корректирующие голосовые связки человеческий ум пока не придумал, а вставлять раздражающие имплантаты на пару недель викарий Христа не желал. Поэтому имя служки колокольным эхом отразилось от высоких сводов спальни и выпорхнуло в открытое окно.

Выждав пару минут, он встал с кровати и двинулся к выходу. Бесцеремонно шаркая атласными папскими туфлями по тысячелетнему мрамору, епископ Рима высунул нос за дверь, прислушался. И тут же сквозняк пробежал леденящими мурашками по коже, напоминая святому отцу, что не только одно солнце встает каждое утро. Языческие символы вечны. Старик хмыкнул, поправил белый пилеолус, накрепко прилипший к макушке, втянул воздух крупными ноздрями, и уже по-мужски крикнул в коридор:

– Именем всех святых, где тебя носит, Туроп?!

Жилистый рослый юноша, походивший конопатой физиономией на рыжий маслянистый блин, выпрыгнул из комнатки напротив, активно растирая заспанные глаза:

– Звали, Ваше Святейшество?

Вялое после сна существо, мягкое и непричесанное, виновато перетаптывалось с ноги на ногу. Платье на парне держалось неуклюжим коконом. Необычайно длинные конечности, торчащие из рукавов широкими палками, ломаные движения, нескладные и неловкие, сторбленная спина – всё говорило об одном: такой наряд пришлось носить не по собственной воле. Этого долговязого лучше выгнать в поле, работать на земле, пасти свиней и коз. Там его способности бы точногодились. Но кто-то явно похлопотал за рыжего отрока.

– Молчи, дитя, – Джакопо презрительно цокнул, – лампы, шлемы, перчатки и сканеры. Через минуту жди возле двери в тайное книгохранилище. Поторапливайся, неуклюжее создание! Теперь нет времени даже на лишние разговоры!

Недра личной папской библиотеки безмолвно ждали гостей глубоко под землёй. Подвалы хранили тайны тысячелетиями, и людская суета была для них незначительной.

Нужная книга нашлась не сразу – плутать по тёмным коридорам подземелий все-таки пришлось. Четверо крепких гвардейцев, оснащённых широкоспектровыми визорами помимо фемтоламп, создающих минимальное излучение, почти без звука опустили десятипудовый талмуд на стол перед святым отцом. Затем также бесшумно и подчёркнуто равнодушно покинули комнату. Эти люди имели свою веру, и она отнюдь не касалась Христа. Их религией являлась беспрекословная верность, а кодексом – молчание.

– Ближе, свети сюда, – Джакопо поманил Туропа пальцем к столу.

Тот ощутил, как мурашки поползли по телу. Старик аккуратно ухватился истощенными пальцами за край ветхой страницы, бережно перевернул лист. И тут же поспешил спрятать руки в заранее заготовленные перчатки из блестящей ткани. Идеально круглое облачко колышущейся взвеси, переливающейся в свете робкого луча разноцветной радугой, стремительно взмыло ввысь и уже через мгновение намеренно атаковало понтифика, целясь точно в глаза, а не уши, как бывало ранее. На своё счастье старик имел необходимую защиту – шлем. Потому, стукнувшись о прочные пластины композитного материала, стая светящихся точек опешила, отскочила и выжидательно затаилась в углу за шкафом. Мирное жужжание выдавало неумелого наблюдателя – фанерная створка шкафа-гиганта мелко дрожала.

– Эта система безопасности мне всегда не нравилась, – понтифик осторожно ткнул пальцем в сторону, поглядывая на своего спутника, – проклятые нанороботы совершенно не разбирают, кто перед ними. Норовят залезть в мозг и покопошиться.

– Зато действительно! – Туроп воскликнул почти с детским восторгом. – С таким чипом в голове вор не уйдет за пределы собора. Секреты Церкви под надежным замком.

– Лампу поставь и отойди, умник. Тебе в книгу заглядывать не советую. Если, конечно, не хочешь пустить в свой мозг этих крох.

Не успев толком поклониться, парень молниеносно отпрыгнул от стола, замер у входа, страхась ступить ближе. Слилсь с обшарпанной стеной, притворившись безжизненной куклой. Глазки-пуговицы, ошарашенные происходящим вокруг него таинством, блестели в бледном свете тусклой лампы.

Епископ Рима достал из потайного кармана странный аппарат, оставил его рядом с фолиантом и отодвинулся назад. Туроп тут же поравнялся со стариком, нарываясь на неприятности. Но святой отец казался чересчур занятым, чтобы замечать такие мелочи. Если юнцу повезёт, на мгновение удастся посмотреть и насладиться действием аппарата.

Через секунду Джакопо замер, выбирая наиболее удобный ракурс. Картинка перед ним поплыла, запрыгала и замерцала. Нужно было срочно надевать очки, чтобы прочесть послание. На расстоянии десяти шагов от талмуда, создавалось впечатление, будто перед тобой не книга вовсе, а разноцветное одеяло, сшитое из сотен отдельных фрагментов. Квадратных и треугольных, больших и маленьких, зелёных, красных, золотистых и перламутровых – старцу открылись удивительные краски и образы. И до чего великолепно ложились буквы! Мириады разноцветных закорючек умещались на страницах, заполняя все свободное пространство от края до края. Строка к строке, символ к символу. Поразительная экономия искусного мастера-каллиграфа.

Старик перевернул страницу, затем вторую, третью. Он определённо что-то искал и никак не мог найти. После получаса блужданий среди древних, как время, строк епископ довольно хмыкнул и перекрестился, возведя очи к потолку. Знание ждало всё это время. И выходит, что именно ему предоставлена честь продолжить дело отцов основателей.

Внезапно все затихло. Лучи фонарей замерцали, а затем усилили своё свечение, стали почти осязаемы. Фанера шкафа аппетитно хрустнула. Облако сжалось пружиной и вновь кинулось на сутулую фигуру, маячившую посреди зала скомканной мятой тряпкой. Долговязого

шальное облако совсем не трогало, а вот к святому отцу было не равнодушно. Джакопо же не пытался увернуться, лишь брезгливо хлопнул в ладони, и вопреки всем законам логики, неестественно живая стая юркнула за плинтус, грохнув напоследок о стену. Та затряслась, отчего и сам понтифик вздрогнул, скрипнул половицей, испуганно перетаптываясь на месте, а затем понял, что опасности нет. Но на всякий случай произнёс:

– Будь ты проклят, Филиппо.

Вернувшись в свои покои, Климент XVIII по закрытому каналу связи отдал короткий приказ, и шестерни военных механизмов завертелись, покорные воле Папы Римского.

16 февраля, 2279 год, воскресенье, день

– Инг. Эй, Инг! Генерал ждёт, где ты шляешься? – звонивший торопил бывшего сослуживца, но получив порцию проклятий из динамика, понял бессмысленность этого занятия и тут же положил трубку.

В столовой на первом этаже военной базы Альянса доедал свой утренний бифштекс бывалый вояка, полковник в отставке, заставший войну Севера с Югом, Смоленский инцидент и Великий Пекинский Поход – Ингвар Ларден. Его наградам и медалям мог позавидовать сам главнокомандующий, а стопками почётных грамот можно было заменить ножку старомодного стола, не имеющего антигравов. Но Ингвар никогда не кичился этими заслугами, вёл скромную холостяцкую жизнь, наслаждался нескромной военной пенсией и колесил по миру изо дня в день. Точнее, по тем его уголкам, где Святая Церковь не объявила духовный карантин. Жёсткая двухдневная щетина, армейская выправка, широкие плечи, острый прямой взгляд, холодный и неподатливый словно металл, тонкий шрам, тянущийся от левого глаза к уголку губы, тёмно-русые волосы, посеребрённые на висках – все это внушало страх и трепетное благоговение любому, кто сталкивался с ним в узких, низких коридорах базы. И только глупец принял бы его за продавца мороженого или профессора университета. В движениях и мимике отставного военного накрепко засело нечто неуловимое, охотничье.

Не переставая жевать, Ингвар прикинул в голове все «за» и «против», одним махом опустил стакан с бурой густой жижей, заменявшей чай, затем растянул губы в кривой усмешке, перекинул через плечо ремень сумки, которую носил с собой повсюду, и вместе с тарелкой направился к лифту.

Небритая чавкающая физиономия ввалившегося пришельца привела генерала Ника Кимерса в лёгкое раздражение.

– Совсем обнаглел, полковник? В каком виде ты ко мне являешься?

– Товарищ, генерал, – держа в левой руке бумажную тарелочку, а второй отдавая честь, Ингвар звучно пережёвывал мясо, немного приоткрыв рот, – встреча была назначена на девять, а сейчас без семи минут. Я бы вполне успел доесть внизу, если бы ваши выслуживающиеся секретари не дёргали меня почём зря, сэр.

Новомодное «сэр» накрепко засело в кругах построссийских военных после интеграции с балтийскими частями, отделившимися от НАТО полстолетия назад.

Кимерс заскрипел зубами и принялся буравить ненавистным взором хама, что посмел выплюнуть такое из своей глотки. Он едва не выкрикнул по привычке «в камеру, на десять суток», но потом вспомнил, кто перед ним, и умолк. Злиться на Лардена было так же бесполезно, как злиться на бурю за то, что сбила шапку с головы. Бескомпромиссный, расчётливый, матёрый, как старый волк, полковник Северного Альянса, вынесший когда-то с поля боя на своей разорванной в клочья спине шестнадцать солдат – такой мог и ноги переломать за косой взгляд. Нервы ни к черту.

Генерал ещё раз скользнул взглядом по обнаглевшей физиономии.

– Весьма остроумно, Ингвар, прямо умереть со смеху. Ладно, слушай сюда, – гнев старшего по званию постепенно утих, ибо сейчас намечались дела куда более важные. – Ты нужен

своему государству для одной сверхсекретной миссии, справиться с которой мало кто в состоянии.

– Прямо слова из боевика начала позапрошлого века, – Ларден отставил тарелку, спокойно приземлился в кожаное кресло на антигравах, безучастно висевшее в воздухе. – Сейчас вы мне скажете, что из множества кандидатур подходит именно моя в силу определённых обстоятельств. Попробуем угадать, каких. Натё Боже, что нам негоже?

– Именно. Главная причина – твоя отставка, полковник. Прости, но сам знаешь, что за списанными в утиль наблюдение минимальное. Зато в помощь тебе дадут троих-четверых бойцов, по желанию. И этот приказ не обсуждается.

– Опять освоение новой планетки для мультимиллиардера, который хочет обезопасить себя на случай ядерной войны, но не хочет общественной огласки? Снова многомесячные перелёты, сливающиеся в годы, страх заблудиться в бескрайнем вакууме? У меня нервные судороги от этого появились. Как взлетаем – так сразу. Я довольно повоевал на Земле и сверх меры бороздил космос. Там нет жизни, он мёртв. М-ё-р-т-в! – Почти по буквам прорычал полковник.

– Спокойно, – тихо произнёс Ник, – мы-то с тобой пока живы.

– Ни жуков, ни разумных рептилий, ни говорящих океанов, – с налётом раздражения продолжал собеседник уже тише. – Те планеты, где вероятно есть нормальная атмосфера, нам ещё не доступны. Так какой смысл? У военных подразделений кончились заказы, что они идут на поводу у взбалмошных толстосумов?

Генерал молчал, и ноздри полковника начали раздуваться от негодования. Кретинизм военных зачастую угнетал его, пожирая изнутри миллиметр за миллиметром, словно пламя, карабкающееся по листу сухого тонкого пергамента.

– Если ты не будешь меня перебивать, то узнаешь, что приказ дан Ватиканом.

На минуту повисла тишина, а брови Лардена попытались взгромоздиться на середину лба. Однако он быстро пришёл в себя, встал и принялся мерить шагами кабинет.

– Кто именно с вами связался? – наконец поинтересовался он.

– Доверенное лицо Его Святейшества, – многозначительно ответил хозяин кабинета, – серый кардинал викария Христового, сам аббат Даниэль. Теперь понимаешь, Ингвар, какая игра тут ведётся?

Верхняя губа полковника дёрнулась по-волчьему, один кулак непроизвольно сжался. Об этом аббате ходили самые разные слухи, начиная от подкупов и шантажа в политических кругах по всему миру, заканчивая жестокими пытками неудобных в застенках монастыря близ окраин Флоренции.

– Причём аббат будет сопровождать вас на протяжении всей экспедиции в качестве официального представителя Папы.

– Сам полёт не официальный, а представитель официальный, вот тебе раз. Я бы предпочёл отправиться в путь с десятком бешеных гиен, а не с этим маньяком. Куда хоть летим, генерал Кимерс? К Альфе или к Тау?

– Нет, полковник, всё гораздо ближе. Можно сказать, предстоит прогулка налегке без изнурительных криогенных снов. Путь ваш лежит на Солнце.

Ларден расхохотался от души громким басом, мощные пластины бронированного комбинезона подпрыгивали в такт гоготу. Когда бурной реакции пришёл конец, он вытер волосатыми пальцами выступившие от смеха слёзы и уточнил:

– А полетим мы, как в анекдоте, ночью? Они там в своих кельях с ума посходили?

– Об этом, как упомянул Даниэль, позаботится Его Святейшество.

– Благословение своё перед запуском даст что ли? Или перекрестит на дорожку?

– Не знаю. Может, сам апостол Пётр будет вас сопровождать, но мне было велено подобрать наиболее подходящую кандидатуру и известить о конечной цели космической вылазки. Кроме того, категорически запрещено кому бы то ни было об этом распространяться. Даже

твоя команда узнает обо всём, только когда выйдете в космос. А до того момента пусть думают, что летите на Меркурий. Были прецеденты, хоть и редкие. В случае же утечки информации, – генерал грохнул ребром ладони по столу, – пострадает не только моя голова, но и твоя задница, полковник. Запомнил?

– Ей не впервой, – язвительно фыркнул Ингвар.

Кимерс скосил глаза на фотографию, стоящую на краю рабочего стола, где он со своей семьёй проводил один из множества пикников по выходным. Страх – это тоже способ управления.

– Не знаю, как они себе это представляют, и надеюсь, что старые пни ещё не выжили из ума окончательно. Ну, ладно, я всё сделаю, Ник. Только подготовьте подробный список из отставных, кто мог бы меня сопровождать. Нужны только дельные ребята, которые прикроют спину в случае чего. Всё равно гадать, какой козырь припрятан у Папы в складках белой рясы, бесполезно.

Ответом ему был лишь кивок. В глазах Кимерса поселилась тоска.

23 апреля, 2279 год, среда, день

На самом краю стола, прислонившись спиной к стене, сидел высокий курчавый цыган и бесцеремонно ковырялся ножом под ногтями в поисках грязи и остатков еды. Личную гигиену ещё никто не отменял, даже если она носила немного странный характер. Смуглый, жилистый, с большими карими глазами и узким невыразительным ртом на длинном зверином лице, он насвистывал себе под нос никому не знакомую мелодию, и каждый раз в строго определённой последовательности выстукивал каблуком по металлической лавке. Цок, цок, цок-цок, цок-цок. Снова и снова. С другого края в унисон активно звенели ложками по тарелкам.

– Всё жрёте и жрёте, чавалэ, – цыган убрал нож за пояс и ловко спрыгнул с лавки.

– Да, – только и донеслось из-за стола.

– Аи, говорить уже не могут по-человечески, – он сплюнул на пол, растерев башмаком, – щеки откормили, шеи вон какие, жопы еще шире, сидят довольные. Ай, не взлетим с вами!

– Тогда тебя за бортом оставим, Тагари. – Здоровяк отодвинул пустую тарелку и утер усы бумажным полотенцем из разгрузки. Переглянулся с соседом по столу и заржал. – Гы! Поскачешь за нами в космос на своей хромой кобыле. Жаль, экзоскелета для животного в наличии нет, а то бы ты нам всем показал, як цыган у космосе гарцует на цветастом пони!

– Вот ты отчего такой злой, Андрей? – Тагари воздел руки к небу. – Я же друг! Плохо ты обо мне говоришь. Намишто! Корабль сам вести будешь!

– Да успокойся ты, цыган, – скуластый мужчина в квадратных очках потянул Тагари за руку на лавку, – я ваших склок с рядовым на год вперед наслушался. Хватит. Можно мне хотя бы один вечер провести спокойно?

– Пинн, родной мой. Ты бы шёл в комнату, включал свою штуку на полную катушку, чтобы голограмма на весь корпус разрослась – и копошись! Кто тебе не даёт этого сделать, очкарик? – довольная улыбка показалась из-под пушистых усов.

– Еще раз назовёшь меня очкариком, тыква перекачанная, и именно в твоём экзоскелете откажет система контроля температуры в самый неподходящий момент. Выйдешь в открытый космос, и бон аппетита. Вряд ли после разморозки ты сможешь представлять мне угрозу. Вот как это брокколи, – он наколол зелёный шарик на вилку и поднес к носу здоровяка, – вроде и форма при варке не изменилась, а вкус стал даже слаще, богаче. Казалось бы одни плюсы. В чем же тогда подвох? Но подвоха нет. Как и нет ничего живого в этом кусочке. Надеюсь, аналогия ясна?

Пиноккио закончил, закинул брокколи в рот, молча достал из шкафа бутылочку огненно-острого соуса чили и щедро полил им овощи в тарелке.

– А ещё ты можешь зажариться в костюме до золотистой корочки.

– Извини, Пинн, я не подумал, – Андрей стеснительно ткнул невысокого американца итальянского происхождения в плечо пудовым кулаком. Добродушная громадина в три сотни фунтов, лысая и горбатая, виновато сжалась, походя на тусоватого ретривера. Привыкнув выражать свои эмоции и мысли как на духу, он совсем позабыл, что некоторых людей такая манера может озадачить, а других, как это произошло сейчас с Пинном, чересчур сильно зацепить.

Не удостоив собеседников даже мимолетным взглядом, Пинн продолжал жевать, вглядываясь в безжизненную пустыню за толщей стекла. В нём было примерно сто семьдесят пять сантиметров роста и почти восемьдесят килограммов веса. Но если бы не смешные старомодные очки, которые казались окружающим нелепыми, чудаковатыми, он смотрелся бы отнюдь не жалким книжным червём, как сейчас. Особенно на фоне крепкого, накачанного украинца.

Программист по специальности, капитан войск Коалиции, он мог легко усмирить обнаглевшего рядового, обеспечив последнему первоклассный анабиоз на пару-тройку суток с ускоренным размораживанием. После такой процедуры желание грубить старшему по званию обычно не возникает.

Пинн Сэнди руководил полетами в космос вот уже второй десяток. С развитием технологий каждая мало-мальски обеспеченная армия запускала своих делегатов в космос с завидной частотой – по несколько тысяч бедняг в месяц. Возвращалось, правда, вполовину меньше.

Ракетносители стали компактней, старт – безопасным и менее энергозатратным, а скорость корабля благодаря фотонно-ионному двигателю нового поколения возросла на сотни порядков. До Марса за несколько дней – вот новые стандарты!

Среди большинства обывателей ходили слухи, что для избранной элиты, самых влиятельных людей на планете, в теории уже найдены способы погрузить шаттл в подпространство, а затем вынырнуть практически в любой точке обозримой Вселенной. Но как только возникал реальный намёк на детальную разработку и распространение подобных технологий, Его Святейшество всеми возможными способами пресекал научные чаяния, выкупая патенты и затыкая рты физикам-теоретикам. Чем, собственно, негласно подтверждал истинность слухов и плодил недоброжелателей Церкви в научных кругах.

– Чавалэ, на авэнте дылынэ! – растянув улыбку от уха до уха, почти пропел Тагари на цыганский лад.

– Я твой тарабарский не понимаю. Ей-богу, – ответил Андрей.

– Кстати о Боге, братцы, – раздался в паре метров от стола знакомый голос.

Полковник Ингвар появился из коридора с кипой бумаг в руках. Вслед за ним, всем телом опираясь на палочку, вошёл невысокого роста тщедушный монах в чёрном одеянии и фиолетовом дзукетто поверх отполированного гладкого черепа. Прихрамывая на правую ногу, он держался ближе к стене, за плечом полковника. Весь скрученный, иссушенный, словно мятая апельсиновая корка, он смотрелся лишним в этой комнате. Спокойный интеллигентный взгляд, тонкие, за исключением мясистого носа и припухших век, черты лица, плохо гармонировали с чрезмерно обвисшим подбородком, как у пеликана. К тому же лысая голова выглядела великоватой для хрупкой шеи, на которой болтался массивный серебряный крест. Казалось, что католическая реликвия вот-вот перевесит и сломает бедняге шейные позвонки. Невольно хотелось пожалеть сухощавого старика.

– Здесь все бумаги, капитан. Проверьте, чтобы каждый расписался. Приступайте немедленно, перед вылетом ещё много работы, – Ингвар уронил пачку на стол возле кувшина с водой.

– Так точно, сэр, – учтиво ответил американец.

– И познакомьтесь. Это аббат Даниэль, представитель Ватикана. Он полетит с нами, – без тени эмоции произнёс полковник и вышел из комнаты.

– Неожиданно, – тихо проронил цыган и о чём-то задумался.

28 апреля, 2279 год, понедельник, поздняя ночь

Первый двигатель утробно заурчал.

Священник и украинец умолкли, крепче схватились за поручни перед собой. Все эти дни, что аббат находился в расположении экипажа, он всячески высмеивал Андрея за его безверие, норовя попасть под горячую руку. Складывалось впечатление, что отец Даниэль проверяет экипаж на вшивость, и параллельно проводит непонятные психологические эксперименты.

Подобный манёвр он пытался повторить с Тагари, отчего был послан на чистом цыганском в дальние края, куда не долетал ветер. Жалкие попытки прощупать старшего капитана также не увенчались успехом: Пинн в упор не желал замечать святого отца. А если аббат и умудрялся подкрасться незаметно со своими обычными идиотскими вопросами касательно истинной веры, то тут же оставался с носом. Ведь гоняться за шустрым программистом по бесконечным лабиринтам базы для него, хромого и старого, не представлялось возможным.

И лишь один человек – Ингвар Ларден – сидевший в момент запуска позади преподобного, не бегал и не скрывался. Полковник предельно ясно объяснил, что как только Даниэль подойдёт с нравоучениями или бесполезными расспросами ближе, чем на расстояние прыжка – следующим в списке знакомств падре будет сам апостол Пётр. Причём военного мало волновали дальнейшие разбирательства с Церковью и возможная расплата. Несгибаемый нрав давал о себе знать.

Яркие вспышки света, сопровождаемые хлопками, больно ударили по глазам. Не будь в шлеме защиты, им бы пришлось не сладко. Изогнутые металлические планки, словно крючки гигантской вешалки, безжизненно отвалились от корабля и пропали в бездне пусковой шахты. Экзоскелеты как по команде обернули тела, тонкие трубки с кислородом, точно хоботы давно вымерших слонов, уходили глубоко в пол. Подошвы с мощными магнитами намертво прилипли к полу, окончательно обездвизив команду, за исключением пилота.

Тагари, как первый пилот, по негласной традиции сидел отдельно от пассажиров, хотя это давно не являлось обязательным. Двигая длинными пальцами в объёмной проекции штурвала, он, словно ткачиха, прядущая из нитей замысловатый узор, готовил шаттл к полёту. Голографическая панель в мельчайших деталях транслировала старт корабля с внешних камер. Поэтому никаких иллюминаторов или стёкол не требовалось – лишь глухая обшивка по всей поверхности корабля, и десяток совмещённых проекций, воссоздающих объёмную картинку снаружи. Пинн, будучи вторым пилотом, молча наблюдал и ждал указаний. Опыта у него всё же было поменьше.

Заработал второй двигатель – на это раз фотонный. Мелодично и необычайно тихо после первого ревуна. Затем третий и почти сразу же четвертый. Четыре разноцветные лампочки на панели мерцали в такт друг другу. Спустя секунду корабль дернулся, выдохнул клубами пара, подняв облако пыли под собой, замер на мгновение, словно собираясь с мыслями, и рванул вверх с чудовищной скоростью. Как будто чья-то сильная, могучая рука подкинула корабль в небеса. И если бы не компенсаторы нагрузки, пять тел давно были размазаны по спинкам удобных кресел. Всё это ужасно напомнило полковнику детскую шалость, когда ребяташки запускают самолетики с безропотно послушными колорадскими жуками в кабинах. Ощущение, что он такое же безмозглое насекомое, на котором ставят эксперимент, не покидало с первого дня, как он встретил Даниэля на базе.

Погрузившись по локоть в спроецированный на пространство штурвал, настолько реалистичный, что ощущались даже вибрации, цыган умело управлял кораблём. Ощущения текли по венам прямо в мозг, и Тагари, слившись с машиной в единый организм, несущейся в космос с чудовищной скоростью, находился в состоянии экстаза, пока корабль не вышел на орбиту. Несколько самых тяжёлых минут во всей этой кампании.

На Меркурий, думал он, садиться будет одно удовольствие. Там уже второй десяток лет активно развивается база колонистов-роботов. Эти существа подзаряжаются прямо от Солнца,

купаюсь в еде. Но вот нога человека там ступала всего пару раз, причём не все ноги улетели прочь с этой жаркой, ободранной излучением планетки. И это откровенно пугало Тагари. Как и то, что им до сих пор никто внятно не объяснил цель миссии.

Внезапно всё затихло. Свист и грохот прекратились – корабль вырвался из объятий матушки Земли. Замки на сидениях с приятным звоном раскрылись, и полковник Ингвар клацнул кнопкой на запястье. Шлем экзоскелета тут же пропал, будто его не было, вдохнул полной грудью и бесцеремонно выблевал содержимое ужина едва ли не на спину спокойному, как мумия, аббату. Который, надо отдать должное, для своего возраста и телосложения стоически вытерпел перегрузки.

– Простите, святой отец, ради Бога, – Ларден сделал акцент на последнем слове, – не переносу перелёты.

Сэнди обменялся с лейтенантом насмешливыми взглядами.

Отойдя от Земли на достаточное расстояние, цыган включил автопилот, и ионные нагнетатели заработали на полную мощность. Конечно, нужно будет давать им передышку, так что впереди лежали долгие недели пути. В компании с въедливой старикашкой, норвящим обра- тить всех в свою веру.

– Курс на Меркурий, сэр? – уточнил пилот.

– Так точно, – Ингвар сглотнул неприятный комок в горле и кожей ощутил пристальное внимание преподобного Даниэля.

Для кого-то полёт будет не из приятных.

20 мая, 2279 год, вторник, утро (по Земному времени)

Три недели в тесных помещениях не прошли для экипажа бесследно. Тагари временами замыкался в себе, подолгу смотрел на аббата, считая, что тот не замечает косых цыганских взглядов. Пинн постоянно ворчал, что у него недобрые предчувствия, пытался всеми возможными способами вызнать цель вылазки. Ведь «научная экспедиция» звучит откровенно неправдоподобно, когда на борту священник и отставной полковник, к помощи которого могли прибегнуть только в самом крайнем случае. Ингвар в свою очередь ни разу не проронил лишнего слова, отдавал короткие приказы, часто скрывался в своей каюте, делая записи в бортовом журнале и личном дневнике.

Лишь Андрей был доволен. Ел за двоих, много болтал обо всем на свете, всячески пытался поднять боевой дух команды. Не задавал лишних вопросов, а с аббатом вёл себя доверительно и, по мнению Тагари, чересчур любезно.

Цыгану не спалось которую ночь подряд. Он тенью бродил по кораблю, и однажды заметил, что в крайней каюте горит свет.

– Падре, а вы бывали в Киеве? – послышался голос здоровяка.

Лейтенант тут же напряг слух.

– Бывал, сын мой, где я только не бывал. У вас живут очень порядочные люди, – елей лился с языка старца, увлекая украинца в сети безрассудства.

– Вот хотел поделиться воспоминаниями из детства, – немного смущённо продолжал десантник. – Когда был совсем пацанёнком, мать меня впервые привела на воскресную службу. Никогда не забуду тех ощущений: всё такое светлое, большое, люди улыбаются, желают друг другу добра и терпения. Не поверите, но я сам хотел постриг принять в монахи, только отец настоял на военной службе.

– Очень жаль, что пришлось выбрать войну вместо спасения душ человеческих. Но, – святой отец возвёл очи вверх, – Господу нашему виднее, каким путём вести рабов своих в царствие небесное. Скажи, сын мой, тебе приходилось убивать?

– Пока что нет, лишь обездвигивать противника. Стараюсь работать аккуратно.

– При случае ты всегда можешь исповедаться, Эндрю, – аббат произнёс имя на европейский манер. – Хочешь ещё что-то рассказать?

– Да, – десантник с благоговением смотрел на курносого старичка, как ребёнок может смотреть на родителя, – я очень благодарен, что вы молитесь за обычных людей. Помню, отец отправился в горячую точку, а вернулся без одной ноги, на костылях. Я долго рыдал в подушку, в соплях путался, порывался отомстить и вернуть отцу ногу. Но матушка объяснила: священник молился Христу за нашего папу, иначе бы тот вообще не смог вернуться домой.

– Твоя мать говорила истину, – мягко пробормотал Даниэль, утвердительно кивнув.

– Так вот, хочу, чтоб вы знали, я пойду за любым служителем Церкви в огонь и воду. Только так я смогу отплатить жизнь моего отца.

– Рад это слышать, сын мой, – аббат поднёс к губам Андрея перстень, который тот, не колеблясь ни минуты, поцеловал. – И ты можешь рассчитывать на помощь Господа.

– Спасибо, святой отец. Простите, что побеспокоил.

Тагари лишь беззвучно присвистнул и убрался подальше вглубь корабля, чтобы остаться незамеченным. Лишь на утро он поинтересовался у здоровяка:

– Морэ, скажи мне, неужели ты считаешь, что молитвы спасли твоего старика от пули? Этот святоша пудрит тебе мозги.

– Заткнись и молчи, ежели не знаешь, – зло пробасил Андрей, выдвинув тяжёлую нижнюю челюсть вперёд. – Молись своим лошадиным богам, а моих не трогай.

Тагари сокрушительно развел руками, сунул их в карманы и презрительно вышел из комнаты, замер на пороге и напоследок грозно крикнул.

– Шувло чяворэ!

21 мая, 2279 год, среда, полдень (по Земному времени)

До Меркурия оставалось рукой подать. Ларден заметно нервничал, а духовный надсмотрщик молился всё чаще, крестился всё яростнее. Казалось, он ничем другим больше не занят. Одни и те же бесполезные действия изо дня в день.

– Ну что, часов через пять сядем с теневой стороны, запрограммируем местных обитателей на осмотр нашей телеги, возьмём пару камешков на борт и двинем обратно? – капитан не оставлял попыток получить хотя бы кроху лишней информации от молчаливого командира.

Косить под дурака и играть в молчанку Ингвару надоело. Заглянув за ужином в равнодушные серые глаза итальянца, спрятавшиеся за стёклами диковинных очков, он раздражённо выдохнул, поиграв желваками. Затем достал нечто совершенно древнее – электронную сигарету – и принялся пускать кольца ароматного густого дыма по палубе один за другим. Немое удивление Сэнди не осталось без внимания:

– Ну, а что? Эти кнопочные симуляторы, имплантированные в кадык я с детства ненавижу. Скоро земляне напрочь забудут вкус настоящего табака. Уже и с Эспады семь какую-то дрянь активно возят. Мрут пачками, как китайцы в прошлом веке, а трава тоннами расходуется. И, вообще, капитан, собирай-ка команду, мне давно пора объясниться.

Удивлённо выплюнув «есть», Пинн умчался в каюты, где дремали цыган с украинцем. Церковнослужитель явился сам буквально через минуту, тихо пристроившись в углу на прикрученном к полу стуле. Вероятно, подслушивал.

Голос полковника звучал иначе. Тембр и акцент остались теми же, а вот уверенность и властность куда-то пропали. Едва уловимая нотка паники вместе с сигаретным дымом растекалась по полу. Сумбур в словах выражал злобу и нездоровое возбуждение.

– По идее я должен был предупредить всех с самого начала, когда только набирал команду. Во-о-о-т, – он растягивал слова, нервно сжимая электронную сигарету, – но секретность операции категорически запрещала открывать рот. Да, святой отец?

Очередная струйка дыма вылетела из ноздрей Ингвара.

– Боюсь, что наш путь лежит несколько дальше той горошины, которая гордо зовётся Меркурием. Люди здесь не глупые, вижу, все поняли, что я имею в виду Солнце – нашу чёртову жёлтую звезду, поганый раскалённый желток на чёрной сковороде космоса.

– Это что, акт принудительного самоубийства? – Пинн вначале растерялся, но понемногу стал приходить в себя.

– А об этом не худо спросить у старого пеликана, засевшего в углу. Что скажете, аббат Даниэль? Не пора ли открыть карты?

– Пора, – немного механическим голосом проронил тот. – Дело в том, что пару месяцев назад до Ватикана дошла новость: в Индии были успешно синтезированы первые образцы ткани, созданной посредством фиксации и сближения кварков.

Полковник вздрогнул. Его ладонь на рукоятке пистолета дернулась, он оскалил зубы, но не издал ни звука. Аббат же стоял неподвижно, словно одна из тех каменных горгулий, что украшают башни собора в Париже. Выждав паузу, он самодовольно кивнул:

– Да-да, не удивляйтесь, прогресс шагнул куда дальше, нежели принято считать в широких кругах. Как когда-то хлопковая тряпка из преобразованных молекул защищала лучше кевлара, теперь тонкий гибкий костюм, плотность которого близка к плотности вездесущего вакуума, может даровать абсолютную неуязвимость Бога.

Святой отец улыбнулся уголками губ, неприятно, по-змеиному. Затем продолжил:

– Этот материал имеет специфические свойства в силу своей природы. Дело в том, что он полностью сливается с верхним эпителием, изменяя его навсегда. Разумеется, снять такой уже невозможно, даже не стоит пытаться. Процесс слияния чем-то напоминает симбиотическую связь, хотя материал нельзя назвать живым или органическим. После синтеза необходимых веществ костюм преобразует и некоторые внутренние процессы. Хотя, какие там некоторые. – Аббат покачал головой из стороны в сторону. – Все.

Украинец испуганно уселся на высокий стул. Его брови и щеки были влажными и блестяли от липкого пота.

– Все в порядке, сын мой? – аббат коснулся плеча Андрея. Рядовой отдернул руку.

– Ну-ну, что за нервы. Продолжим нашу увлекательную беседу?

Тагари и Пинн выжидающе смотрели на Даниэля. Тот и не собирался умолкнуть.

– К примеру, начиная поглощать все известные виды излучения, материал освобождает своего носителя от необходимости питаться естественным способом. Само собой, он залечивает и внутренние болячки, останавливает процессы старения. Кроме того хозяину отныне не страшны никакие перепады давления или температуры. Будь это абсолютный ноль по Кельвину или же недра раскалённой звезды.

– Многое проясняется, – Ингвар хмурился, обдумывая что-то. – На что же он похож?

– Он похож на безграничное море возможностей, полковник, – металлические нотки в голосе аббата всё нарастали. – Смотрите сами.

Из складок свободной рясы Даниэль вынул небольшой серебристый пакет, который непонятным образом смог там уместиться. Развернув его, святой отец продемонстрировал нечто, напоминающее чёрный бархатный водолазный костюм, только без прорезей для глаз или рта. Единственное отверстие, через которое, очевидно, надевался этот божественный скафандр, располагалось на спине.

– Но зачем делать марш-бросок к Солнцу? Почему нельзя было сперва опробовать ткань в ядерном реакторе или недрах Земли? Окунуть в лаву, в конце концов. Кризис идей, падре?

– Я не сказал самого интересного.

Глаза всей команды расширились в испуге: что может быть интересней, чем этот чёрный кусок бархата, способный сделать человека бессмертным?

– Во времена средневековья, – продолжал старик с каким-то мечтательным выражением на лице, – множество людей были преданы священным кострам Инквизиции. Замечательное

время, жалею, что не застал его. Так вот в те века был предан огню один муж, знавший тайну Христовой Чаши.

– Ага, давай старик, расскажи нам в космосе про Грааль, – насмешливо фыркнул Пинн. – Ещё про Туринскую плащаницу не забудь.

Даниэль словно не заметил насмешек капитана и спокойно продолжил.

– Этот же мужчина её перепрятал, стащив у Ватикана из-под носа. По понятным причинам, душа еретика отправилась напрямиком в ад.

– Верю, ага, – Сэнди расслабился и гоготнул чисто по-американски.

– Приберегите свой скептицизм для цирковых фокусников, мистер Сэнди, ад был придуман ещё на заре веков кучкой полуграмотных вавилонян или шумеров, и эта концепция зародилась отнюдь не на пустом месте. Только истинное его расположение было специально скрыто от простого люда, дабы не пугать жуткой истиной умы непосвящённых.

Падре подошёл к проецирующей панели и запустил трёхмерное изображение Солнца. Багряный шар сжигал миллионы тонн гелия ежесекундно, полыхая в черноте космоса целую вечность.

– Посмотрите на нашу звезду. Она дарит жизнь всему живому на Земле, но в то же время убьёт любого, кто приблизится к ней слишком близко. Раскалённое пекло, притяжение которого столь колоссально, что большинство протуберанцев просто не может вылететь из его плена. Ну, чем вам не картина ада?

Аббат говорил серьёзно. Слишком серьёзно для человека, просто не способного на шутки. Поэтому глаза полковника поползли из орбит.

– Этого не может быть! – он гаркнул так, что стало слышно на Венере. – Большой чуши я никогда не слышал. Бред фанатика, помешанного на старых сказках.

– Сказки, сын мой, это когда у всех на слуху. А то, что услышали вы – архивные записи, которым больше десяти тысяч лет! Надеюсь, вы понимаете, насколько важно вытянуть из того еретика тайну местонахождения Чаши?

– Важно для вышедших из ума стариков, – уточнил Ларден.

– Даже если это правда, – подал голос капитан, – вы собираетесь осуществить последний крестовый поход в ад? То есть заманить туда нас? Может ещё с Дьяволом нужно сразиться?

– Нет, с нечистым вам столкнуться не придётся. Как раз он является расхожей выдумкой. – Аббат сменил интонацию. – Для запугивания масс. Кроме того я забыл уточнить крохотную, но совершенно важную деталь.

Нехорошая улыбка вновь исказила восковой лик аббата.

– Дело в том, что костюм, который вы только что видели, это единичный прототип.

Через пол удара сердца всё закрутилось с бешеной скоростью.

Яркая вспышка, и в груди Пинна образовался кратер, размером с грейпфрут. После второй правое плечо Андрея брызнуло ошмётками плоти. Третий выстрел из перекрестья распятия на груди Даниэля поразил опешившего десантника прямо в сердце. В прямом и переносном смысле, учитывая отношение здоровяка к лживому церковнику.

Реакция не подвела только жилистого цыгана. Его мозолистая ладонь выхватила из ящика гаечный ключ, забытый здесь пару дней назад рядовым. Стремительный прыжок, мощный замах, и верхняя половина головы предателя взмыла под потолок, а затем шлёпнулась с отвратительным скрежетом на металлический пол. Тагари не сразу понял, что в последний момент смертоносный крест выплюнул ещё один снаряд. Он упал на колени, зажимая окровавленными руками ужасную рану, из которой норовили вывалиться кишки. Разрывные капсулы были одним из самых подлых изобретений человечества.

Через мгновение Ингвар, успевший во время перестрелки сделать кувырок за спасительное укрытие, бинтовал цыгана дрожащими руками, пытаясь остановить кровотечение. Но всё было бесполезно, и оба военных это понимали.

– Я всё-таки прищучил гадину, морэ, – белозубая улыбка на смуглом лице окрасилась розовой слюной, а взгляд начал затуманиваться.

Слабым голосом, в котором тем не менее звучали сила и решимость, он потянулся к уху полковника и тихо прошептал последние слова напутствия:

– Увидимся в раю. И ничего не бойся, ничего...

Бог степей забрал Тагари через несколько мгновений, и что-то внутри полковника упало на самое дно души, будто камень, брошенный в колодезь. Скорее всего, это была вера.

Проведя пальцами по векам испустившего дух лейтенанта, Ларден подошёл к отрубленной части черепа. Её глаза спокойно смотрели на полковника, а механические трубки, торчавшие из нёба, неприятно гудели. Из них, страшно шипя, вытекала красная жидкость.

– Жалкий киборг. Столько отличных парней положил, – военный давно не позволял себе слёз, но в груди больно ныло, словно туда угодила смертоносная капсула.

– Ошибаешься, – динамик, встроенный в гортань, каким-то чудом уцелел, но голос казался не то каркающим, не то напоминающим смех шакала. – Я был рождён человеком, как и ты. К сожалению, органические тела не долговечны. Поэтому я переселился в синтетический сосуд. Очень удобно, полковник.

Переплетения проводов, похожих на человеческие артерии, слегка искрились, отчего мышцы на лице существа нервно подёргивались. Обвисший подбородок видимо скрывал какие-то дополнительные устройства для корректировки мимики, а может, для отлаженного движения челюстью. Теперь это стало несущественным.

Единственный оставшийся в живых занёс ногу над уродливым обрубок головы, чтобы покончить раз и навсегда с тварью, спрятанной в электронных импульсах микропроцессоров.

– После того, как добьёшь меня, не советую мешкать, Ингвар. Я включил систему самоуничтожения и тянул время, чтобы никто не успел отменить команду. Кроме того, я смог немного изменить направление. Последние сутки мы шли в сторону от Меркурия. Всё это для того, чтобы одев костюм и выйдя в открытый космос, я имел возможность попасть под притяжение Солнца и спокойно нырнуть в его глубины. Но я лежу здесь, а тело – совершенство инженерной мысли – где-то в другом конце комнаты. Так что честь погрузиться в недра нашего светила выпала тебе, старый пёс. Не упusti свой шанс, второго не будет. В недрах разыщи Филиппо, печально известного тебе под именем Бруно. Вытяни из него, как найти и уничтожь Грааль! Принеси, наконец, покой людям на Земле, они так устали от религиозных распрей.

– Как бы ни так! Капитан умирает вместе с кораблём!

– Не будь идиотом, полковник! – подобие смеха раздалось из динамика. – Ты же не дурак. Надень костюм и заверши то, ради чего умерли твои друзья. Или всё напрасно?

Мерзкий шакалий смех прервался смачным хрустом – Ларден всё же втоптал подошвой ботинка черепную коробку древнего существа в решетчатый пол корабля.

Выбора действительно не оставалось.

Ткань прилегала плотно к голому телу, точно кроили по меркам самого Ингвара. Как только все складки были расправлены, прорезь на спине намертво сомкнулась. Кожу начало жечь огнём, каждый квадратный сантиметр горел. Казалось, что его обливают, если не жидким металлом, то уж наверняка бурлящим воском или маслом.

Когда Ларден очнулся, мир вокруг заметно преобразился. Чувства обострились, голова стала ясной, скорость мысли возросла в десятки раз. Он мог смотреть вокруг в самых разных спектрах, от инфракрасного до ультрафиолетового. Ухо улавливало мельчайшие звуки автоматики в нижних отсеках, а пресный, затхлый воздух наполнился сотней новых ароматов и зловоний.

Внезапно время кончилось, и одинокий корабль, крадущийся через бескрайние просторы космоса, превратился в широкий багровый диск.

21 мая, 2279 год, среда, вечер (по Земному времени)

Человек живёт, чтобы умереть. Так было, есть и будет. И никто не в силах этого изменить. Ведь получается, что в мёртвом состоянии каждый проводит намного больше времени, чем в живом. Какая простая арифметика. Мир полон умных людей, а все живут и продолжают верить, что отмерянные семьдесят лет – бесценная награда, посланная свыше. Может, жизнь – лишь подготовка? Возможно. Только кто нам расскажет правду?

Странно, что он раньше так не размышлял. Как просто стало бы смотреть на мерзкий, несправедливый мир, познай он это на десять-двадцать лет раньше. Братоубийственная война, смерть любимой женщины от беспощадной пандемии, наркотики, попытка суицида – в петлю полез уже скорее от безысходности. Столько пришлось пережить и вытерпеть, что с годами сердце превратилось в камень. Может, на Солнце удастся растопить кусок льда в груди?

Эта мысль стала первой, посетившей полковника после прыжка. За доли секунды он выскользнул в аварийный шлюз, когда произошёл взрыв, совершенно не приносящий боли. Лардена отбросило на приличное расстояние, и он, с непривычки взмахнув руками, будто крыльями, раскрыл рот в беззвучном крике. Гравитация не заставила себя ждать, обняла космического странника нежными руками, словно человек залетевшего мотылька, и бросила беспомощной куклой навстречу Солнцу.

Спустя мгновение корабль превратился в пепел, разметав беспокойные души товарищей по просторам Вселенной. Притяжение светила, дёргающие ускользающие во тьму протуберанцы за пушистые хвосты, тянуло полковника к себе, как мощный магнит. Сердце в его груди перестало биться ещё на корабле, когда костюм кардинально перестраивал организм, сиюсь сберечь жизнь нового хозяина.

Вскоре Ингвар уже падал на бескрайнее поле ада с невообразимой скоростью. Гигантские столпы раскалённой плазмы обтекали конечности, не причиняя никаких неудобств. Боли не было, как не было и страха умереть. Слово дьявольский сёрфингист, он летел сквозь толщу бурлящего гелия, погружаясь в этот ярко-красный океан все глубже и глубже, пробираясь к самой его сердцевине. Червяк, прогрызающий в спелом яблоке хитроумный лаз – вот кого напоминал полковник сам себе.

Спустя некоторое время, когда Ларден переборол дикий животный страх и через силу открыл глаза, густая пелена огня, перемешанная с оранжевыми сполохами, показалась ему дивным новым миром. Миром, в который он попал, шагнув через дверь, соединяющую два измерения.

От безумной скорости не звенело в ушах, от бешеных температур не кипели мозги, яркий свет не слепил. Но, тем не менее, рассмотреть хоть что-то перед собой дальше, чем на полметра, никак не получалось. Полковник был уверен, что скоро всё прояснится, ведь связь костюма и мозга с каждой секундой лишь крепла. Видимо, для полного симбиоза требовалось время.

Странные голоса из прошлого глубоко под черепной коробкой заставили его вздрогнуть. Тагари? Пинн?! Невыносимая боль раскалённым металлом наполнила полковника с головы до пят, сознание начинало понемногу гаснуть, а густая пелена сладкой усталости заботливо заворачивала солнечного странника в пуховое одеяло родом из детства.

«Вот и смерть», – мелькнуло в уме напоследок.

Полковник отключился.

Безвременье

Что-то коснулось Ингвара, неожиданно вынырнув из кипящей пелены, и довольно сильно стукнуло по затылку. Глухой удар, затем ещё один и ещё.

Полковник закричал, чуть не оглушив самого себя на этот раз. Онемевшее тело оживало, клетка за клеткой приходя в чувство. Глаза ужасно слезились, пульсирующая кровь тамтамами отзывалась в барабанных перепонках, а головная боль раскалывала череп. Ингвар изо всех сил

сжал кулак и почувствовал, как сводит руку от напряжения. Меж мозолистых пальцев закрипел песок. Странник перевернулся на спину, затем уселся и принялся оглядываться вокруг.

Бескрайняя выжженная пустошь простиралась от одного края горизонта до другого. Не было ни гор, ни огненных озёр с водопадами из лавы. Демоны да черти никого не варили в котлах, не поджаривали на огромных сковородках.

Умиротворяющая, почти мёртвая тишина.

Лишь где-то вдалеке на длинных гибких прутьях в порывах солнечного ветра колебались непонятные голубые коконы, походившие с такого расстояния на цветки садового колокольчика. Гигантские и необыкновенно манящие. Небо пылало огнём, обернув этот выжженный мир плотной непроницаемой кожурой. Вот о чём говорил аббат, перед тем, как отдать Богу душу. Или не совсем Богу?

«Добро пожаловать в преисподнею», – подумал Ингвар и тут же расхохотался в своё удовольствие. Дикий необузданный хохот, больше подходящий Сатане, эхом разлетался над безлюдной пустыней. Следующие несколько часов он просто сидел и ржал словно умалишённый, без остановки и передышки. В груди за последние часы ощутимо потеплело, а во рту удивительно пересохло. Бутылка качественного виски со льдом была бы не лишней. Но смог ли он теперь почувствовать вкус алкоголя? Ведь проклятый костюм запустил чёрные щупальца даже в его глотку, добравшись до лёгких и стенок желудка. Человек ли он отныне?

Когда впереди что-то бухнуло, и песок под ногами затрясся, расплзаясь маленькими барханами в разные стороны, Ларден вскочил на ноги. Толчки, пока что слабые и робкие, шли откуда-то из глубины, но сверхчувствительность костюма засекала любое движение. Будь-то песчинка, гонимая ветром, или пепел с небес, устилающий пустошь ровным шёлковым слоем.

Чья-то сильная и тяжелая рука упала на плечо полковника. В его горле появился комок. А ноги предательски задрожали. Почему восприятие молчало?

– Грядут большие перемены, Ингвар, – раздалось из-за спины.

– Ты Филиппо? – только и выдавил из себя полковник, ошеломленный встречей.

– Собственной персоной, – насмешливо согласился собеседник и ослабил хватку, – может, уже обернёшься? У меня нет рогов, и языки пламени не вырываются изо рта.

Полковник пересилил непонятный липкий страх, возникший внутри, и оглянулся.

Встретившись глазами, они простояли так несколько минут. Филиппо легко выдерживал буравящий взгляд военного, хотя лица гостя и не было видно под чёрной тканью. Обитатель здешних мест довольно улыбался во весь рот, но разговор всё же начал Ингвар.

– Думаю, ты знаешь, ради чего я забрался в эту дыру. Мне нужны объяснения.

– Конечно, ты их получишь. Вот уже которую сотню лет я ожидаю тебя здесь. Правда, в аду немного скучно, – он поманил пришельца рукой, двигаясь в сторону коконов на горизонте, – совсем не с кем поговорить.

– А как же души грешников? Они-то никогда не переведутся, – полюбопытствовал полковник. Но столкнувшись с удивленной физиономией Филиппо, уточнил, – ведь верно же? Не переведутся?

– Ты видишь здесь ещё хотя бы одну душу, кроме меня?

– Нет. Но ты-то точно из их числа! – всё ещё сомневаясь, попытался настоять Ларден.

– А я не грешник. Я контролёр в этом шатком диком мире.

Филиппо умолк и дальше вёл полковника за собой уже совершенно беззвучно. Прямо к гигантским синим цветкам. Колокольчики оказались огромными деревьями с множеством разноцветных ветвей, каждая из которых заканчивалась голубой мерцающей каплей, действительно похожей на кокон. Где-то большой, а где-то совсем крохотной.

– Что это?

– Подойди ближе, загляни внутрь, – попросил Филиппо.

Вокруг колышущейся капли медленно вились клубы пара. В них проступали очертания невиданных кошмарных существ и тут же таяли, сменяясь другими. Полковник зажмурился и мотнул головой из стороны в сторону. Видения пропали, дымка рассеялась, и на дне капли он обнаружил то, что никак не ожидал увидеть. Мерцающая, легкая, как утренний туман субстанция, с ангельским девичьим лицом и размытым силуэтом умиротворенно плавала внутри.

– Душа, – прошептал полковник и заглянул в соседний колокольчик. – Еще одна. Кто они?

– Сущности. Старые и новые. А все это, – он описал руками огромные круги в воздухе, – инкубатор. Инкубатор, который Церковь на Земле обозвала местом жутких мучений.

Ошеломленный, полковник продолжал глазеть на пульсирующие сгустки. Картина мира, что представлялась ему точной и непоколебимой с самого детства, оказалась ложной и обманчивой. Ингвар пребывал в смятении. Его одолевали противоречивые чувства, среди которых зарождалась надежда. Ведь именно сейчас он познал то, что открывалось мудрецам древности, когда те пользовались Христовой чашей. Только солнечный странник обошелся без её помощи.

– Не хочешь спросить, почему именно ты?

– Что «именно я»? – не понял вопроса полковник.

– Почему ты послан за тайной Грааля?

– Без понятия, – совсем нерадостно буркнул Ингвар.

– Твой приход сюда был предреши́н Создателем в Свитках Мироздания, написанных им на заре времён. «Лишь тот освободит род людской, кто ступит за черту ада, будучи живым, но умерев душой». Ты смог это сделать, а значит, Грааль твой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.